

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

С.А. Есиков
М.М. Есикова

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА
(ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО) В
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ В 1920-е ГОДЫ
(на материалах Тамбовской губернии)**

Рекомендовано Учёным советом ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
в качестве учебного пособия для студентов
неисторических специальностей, изучающих отечественную историю и
историю отечественного государства и права

Тамбов
Издательство ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
2013

УДК 93(470.326)(075.8)
ББК ТЗ(2)613-2я73+ТЗ(2Р-4Т)я73
Е 831

Рецензенты:

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор

П.С. Кабытов

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор

Г.Е. Корнилов

Есиков, С.А.

Е 831 Крестьянская община (земельное общество) в общественно-политической и хозяйственной жизни доколхозной деревни в 1920-е годы (на материалах Тамбовской губернии) : учебное пособие / С.А. Есиков, М.М. Есикова. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013. – 80 с. – 400 экз. – ISBN 978-5-8265-1184-8.

Рассматриваются проблемы взаимодействия и противостояния государственной власти и общины. Показаны процессы формирования советской власти на местах, перехода власти от сельского схода к сельскому совету. Раскрыты особенности формирования сельского схода в советское время, основные направления хозяйственной и политической деятельности земельных обществ (так стали называться крестьянские общины согласно Земельному кодексу 1922 года). Объясняются причины, по которым большевистская власть использовала крестьянскую общину в своих целях. Раскрываются причины отказа от общины в условиях начавшейся насильственной коллективизации крестьянских хозяйств.

Предназначено студентам неисторических специальностей, изучающих отечественную историю и историю отечественного государства и права.

УДК 93(470.326)(075.8)
ББК ТЗ(2)613-2я73+ТЗ(2Р-4Т)я73

ISBN 978-5-8265-1184-8

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный технический университет» (ФГБОУ ВПО «ТГТУ»), 2013
© С.А. Есиков, М.М. Есикова, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «община» широко использовалось и используется в прошлом и настоящем наукой и публицистикой. И практически никогда не употреблялось самими крестьянами, называвшими общину «мир», «общество». Какой бы термин мы не употребляли бы для обозначения сельского общества, придётся признать, что кризис Центрально-Земледельческого района был кризисом общинно-помещичьей деревни.

Использование общины в качестве инструмента давления на помещичьи усадьбы в годы революций, безуспешные попытки «коммунизации» общины в годы военного коммунизма и немного более успешные попытки её социализации в годы нэпа, варварская деструкция общинных институтов в годы «великого перелома» и их подспудное возрождение в колхозно-совхозной системе – таков долгий кровавый и бесславный путь поиска альтернативы либерально-консервативному курсу.

История крестьянского самоуправления в России приобретает весьма актуальное звучание в современных условиях, когда разворачивается сложный процесс реформирования и совершенствования управленческих структур на местном уровне. Поэтому разработка данной проблематики историками в последнее время заметно активизировалась. Наряду с переосмыслением прежних исторических представлений, существенно обновляется источниковая база, привлекается большое количество новых, в том числе, архивных материалов. Несомненно, позитивным следует признать более широкое и непредвзятое обращение к изучению дореволюционной литературы и источников по данной теме.

Современные исследователи активно используют дореволюционную литературу. Например, О. Г. Вронский, один из крупнейших исследователей крестьянского самоуправления, отдаёт явное предпочтение трудам дореволюционных исследователей: Н.К. Бржеского, К.Ф. Головина, А.А. Риттиха, Н.Н. Зворыкина и др.¹

В последнее время все органы крестьянского самоуправления получили подробное освещение в исторической литературе.

Далеко неоднозначно современными авторами оценивается значение волостных сходов. Кучумова Л.И. полагает, что крестьяне сторонились их и предпочитали им сельские, а О.Г. Вронский, наоборот, считает, что крестьянское население относилось к ним лучше, чем к сельским², добавляя при этом, что и в том, и в другом случае немалую роль играл фактор коллективного употребления спиртного³.

Волостной старшина, по мнению В.Б. Безгина, пользовался уважением крестьян, но ввиду своего двойственного положения чаще действует в интересах начальства, а не крестьян⁴. Иванова Н.А. и Желтова В.П. полагают, что старшина выполнял и управленческие, и административно-полицейские функции, но последние были для него важнее⁵. Ключевой фигурой волости О.Г. Вронский считает не его, а писаря, образ которого складывается в целом негативный⁶. Безгин В.Б. называет писаря «серым кардиналом волости»⁷. Причину того, что старшина получал за свою службу меньше, чем писарь, М.И. Роднов усматривает в неграмотности первого⁸. Возвеличивание фигуры волостного писаря появляется ещё в литературе конца XIX столетия. В книге Н.М. Астырева эта линия обозначена весьма чётко, но так как сам автор занимал должность писаря, характеристика данного должностного лица получается иная, чем у О.Г. Вронского⁹.

О волостном правлении в указанный период исследователи практически не писали. Только О.Г. Вронский, характеризуя волостные правления, говорит об их всевластии и расположенности ко взяткам¹⁰.

На деятельность волостного суда, как и на функционирование схода, в исторической литературе сложилось два противоположных взгляда. С одной стороны, как пишет Л.И. Кучумова, он не пользовался популярностью у крестьян¹¹. С другой стороны, по мнению М.И. Роднова, крестьяне были довольны эффективностью деятельности суда и качеством принятых им решений¹².

Как правило, исследователи сходятся во взгляде на изменения, происходившие в составе сельского схода. Зырянов П.Н. в начале 1990-х гг. повторяет свои прежние выводы о «разрастании» и «омоложении» сходов, включении в их состав женщин¹³. Увеличение численного состава сходов, по мнению Е.Н. Щенниковой,

усложняло их работу¹⁴. На расширение состава схода за счёт молодёжи и женщин указывают О.Г. Вронский, В.Б. Безгин, Ю.С. Кушкин и Н.С. Тимофеев¹⁵.

Значительное место в трудах современных историков занимают сюжеты, связанные с пьянством, апатией крестьян к сельским сходам и потере последними нравственного авторитета¹⁶. Одновременно констатируется повсеместное снижение авторитета сельского старосты, находившегося в сильной зависимости от многочисленного начальства и получавшего слишком низкое жалование¹⁷.

Первая мировая война дала общине крупный шанс продлить своё существование, укрепить позиции, подорванные столыпинской аграрной реформой. Несмотря на то, что к этому времени из общины вышла только четвёртая часть домохозяев, положение крестьянского «мира» к началу мировой войны мало назвать критическим. Это была «затянувшаяся агония исчерпавшего себя общинного землевладения, особенно очевидная в губерниях земледельческого центра, где возможности экстенсивного роста блокировались предельной распаханностью надельных угодий, стремительным ростом сельского населения, незначительностью денежных ресурсов, которые крестьяне могли направить на покупку земли, резким сокращением площадей, сдающихся в аренду частными владельцами»¹⁸.

Первые работы по истории общины послереволюционного времени вышли в свет в 1920-е годы. В исследованиях П.Н. Першина, Н.П. Огановского, С.М. Дубровского и других был сформулирован тезис о возрождении общины в ходе аграрной революции, была раскрыта её роль как важнейшего аппарата земельной реформы, были рассмотрены правовые аспекты функционирования и возможные пути эволюции общинного хозяйства¹⁹.

Особо отметим работу М. Резунова, в которой на обширном фактическом материале анализируются взаимоотношения общины и сельсоветов. Обладая крепкой материальной базой и юридической самостоятельностью, крестьянская община присваивала себе ряд прерогатив сельских советских органов²⁰.

На протяжении последующих трёх десятилетий община практически не изучалась. Лишь после выхода в конце 1950-х годов

работ С.П. Трапезникова и В.П. Данилова интерес исследователей к ней заметно оживился. По мнению С.П. Трапезникова, в России всецело воплотилась в жизнь идея Маркса о способности общины стать основой для организации социалистического земледелия. Переход общинных институтов в высшую фазу своего развития был осуществлён в период коллективизации, когда община стала «опорным пунктом социалистического преобразования сельского хозяйства страны». Принципиально иную точку зрения по данной проблеме высказал В.П. Данилов, считавший, что мирская организация крестьянства не соответствовала задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства, а потому в годы коллективизации имела место не плавная эволюция общинного хозяйства в колхозы, а коренная ломка всех единоличных форм землепользования²¹.

Большое значение для изучения общины имела работа секции «Общинные организации сельского населения» на четырёх сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. На сессиях обсуждались проблемы типологии общинных организаций в послереволюционной деревне, взаимоотношения земельных обществ и советской власти, определялась периодизация развития русской поземельной общины²².

Эти дискуссии обозначали качественно новый уровень фактологического и концептуального осмысления данной темы. Историки отказались от узкой трактовки общины лишь как поземельной организации, главным признаком которой было стремление к уравнительности крестьянских наделов. Община начала признаваться универсальным социальным институтом, охватывавшим все стороны жизни крестьянского сообщества, а также органом местного самоуправления, сохранившим принципы демократизма даже будучи включённым в государственный аппарат.

Существенный вклад в освещение процессов развития общины послереволюционного периода внёс цикл работ В.П. Данилова, вышедших в 1970-е годы. Община трактовалась в них не только как форма совместного пользования землей, но и как общественный институт, осуществлявший посредничество между государством и отдельным землепользователем. Исследователь отмечал, что в результате революции было уничтожено всё реакционное, фео-

дально-крепостническое в положении и функционировании общины, и она стала «действительно свободным союзом трудящихся крестьян»²³.

В те же годы вышла книга В.Я. Осокиной – первое в отечественной историографии монографическое исследование истории послереволюционной общины²⁴. Автор справедливо указывает на стремление советской власти к использованию позитивных возможностей общины: совместного обсуждения хозяйственных вопросов, организации крестьянской взаимопомощи и др. Однако, изучая общину с сугубо классовых позиций, Осокина делает ряд упрощённых, на наш взгляд, заключений. Спорным представляется её утверждение о невозможности дальнейшего хозяйственного и социального развития общины, её неспособности смягчать проявления конфликтности и социального неравенства внутри крестьянского мира. Также упускаются из вида такие важные аспекты вопроса, как самоуправленческие функции и культурническая деятельность общины, механизмы поддержания стабильности в крестьянском обществе.

Большой историографический интерес для данной темы представляют работы В.В. Кабанова²⁵, посвящённые жизнедеятельности сельской общины в период до введения нэпа. В них рассматриваются вопросы демократизации общины, влияния мирского уклада деревни на становление местных советов, участия общины в уравнительном перераспределении земли и сборе налогов.

Несмотря на значительные результаты, достигнутые советскими авторами в постановке и решении ряда проблем истории общины послереволюционного времени, широкий круг вопросов остался неизученным. Лишь в самом общем виде рассматривалась структура мирских властей, специфика взаимоотношений земельных обществ и органов советской власти в различных регионах страны, традиции и новации в организации системы социальной защиты на селе.

В литературе утвердилось мнение, что крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с недоверием относились к различным нововведениям. Однако наблюдения показали, что чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем

восприимчивее он относился к нововведениям. Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была крайняя бедность крестьян, а не трёхпольная система и общинные порядки. Даже применение усовершенствованного инвентаря требовало значительных затрат всего общества. И тогда на помощь приходил сход.

Новые явления в пореформенной деревне не изменили хозяйственных и социальных основ крестьянской жизни. Община осталась институтом, обеспечивавшим физическое выживание крестьянской семьи. Сводя к минимуму степень риска, она замедляла, но отнюдь не препятствовала темпам агротехнического прогресса.

Община как субъект родового сознания взяла на себя функции, которые в соответствии с экзистенциальной природой человека принадлежат только личности, исключила индивидуальную ответственность всякого своего члена за себя самого и передала её коллективу. Но совесть, вынесенная вовне, может сыграть злую шутку, если даже субъектом совести выступает столь естественное, органичное образование, каким была русская крестьянская община.

На рубеже XIX–XX веков процессы экономического, социального, психологического и нравственного распада общины всё более становились необратимыми. Остановить их вряд ли было возможно. Меры к консервации старого порядка (а их активно предпринимало правительство вплоть до столыпинской реформы) лишь искусственно притормаживали распад общины, делая его одновременно и более болезненным. В деревне накапливалось всё больше людей, которые физически оставались в пространстве былой общинной жизни, оставались на земле, но психологически и нравственно были уже очень слабо связаны с этой жизнью, с общиной и землёй. Причём, выпав из крестьянской родовой общности и утратив её культуру, они не вошли органичным образом в состав какой-либо другой общности и не усвоили по-настоящему какую-либо другую культуру.

В предлагаемом пособии рассматриваются вопросы изменений в сельской общине после 1917 года, взаимоотношения общины и советов, показан процесс перехода власти от общины к сельскому совету, рассмотрены проблемы сельского схода.

Примечания

¹Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. – М., 1999. – С. 34 – 68.

²Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). – М., 1992. – С. 31; Вронский О.Г. Указ. соч. – С. 60.

³Вронский О.Г. Указ. соч. – С. 54.

⁴Безгин В.Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков (на материалах губерний Центрального Черноземья) : дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2006. – С. 167.

⁵Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – С. 163.

⁶Вронский О.Г. Указ. соч. – С. 60, 62.

⁷Безгин В.Б. Указ соч. – С. 167 – 169.

⁸Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900 – 1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. – Уфа, 2002. – С. 99.

⁹Астырев Н.В. О волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. – М., 1896. – С. 134 – 136.

¹⁰Вронский О.Г. Указ. соч. – С. 42.

¹¹Кучумова Л.И. Указ. соч. – С. 47.

¹²Роднов М.И. Указ. соч. – С. 102.

¹³Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. – М., 1992. – С. 32–33.

¹⁴Щенникова Е.Н. Сельское самоуправление в центральных губерниях России (конец XIX – начало XX века) // Дискуссионные вопросы российской истории. – Арзамас, 1995. – С. 108.

¹⁵Вронский О.Г. Указ. соч. – С. 49–50; Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.) – М., 2004. – С. 13; Безгин В.Б. Указ. соч. – С. 132, 134.

¹⁶Вронский О.Г. Указ. соч. – С. 48–49, 54, 59; Безгин В.Б. Указ. соч. – С. 157.

¹⁷Кучумова Л.И. Указ. соч. – С. 40, 46; Вронский О.Г. Указ соч. – С. 51; Роднов М.И. Указ. соч. – С. 97 – 99; Безгин В.Б. Указ. соч. – С. 163.

¹⁸Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 – 1917) – М., 2000. – С. 389.

¹⁹Огановский Н. Община и земельное товарищество // О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. – М., 1921. – Вып. 1. – С. 79 – 91; Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба. Их распространение за десятилетие 1907 – 1916 гг. и судьба во время революции (1917 – 1920 гг.). – М.,

1922; Дубровский С.М. Очерки русской революции. – М., 1923. – Вып. 1; Козлов Н.И. Крестьянский двор и земельное общество. – Л., 1926.

²⁰Резунов М. Сельские советы и земельные общества. – М., 1928.

²¹Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. – М., 1959; Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 90 – 128.

²²Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1970. – Вып. I; То же ... XIII сессии. – М., 1971; То же ... XIV сессии. – М., 1972. – Вып. II; То же ... XV сессии. – М., 1974. – Вып. II.

²³Данилов В.П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: К вопросу о типологии общины на территории советских республик // Народы Азии и Африки. – 1973. – № 3. – С. 42 – 54; Он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1974. – С. 341 – 359; Он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. – М., 1978. – С. 9 – 60.

²⁴Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община (1920 – 1933). – М., 1978.

²⁵Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. – М., 1984. – Т. 111. – С. 100 – 150; Он же. Октябрьская революция и кооперация. 1917 – 1919. – М., 1973; Он же. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988.

1. ОБЩИНА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ И СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ

Русское образованное общество буквально «пестовало» общину. Любование ею как «живым символом российской самобытности» питалось не только славянофильской традицией, но и «взглядом со стороны». Только ленивый не цитировал тогда трёхтомный труд прусского барона Августа фон Гакстгаузена «Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России».

Многочисленным и влиятельным было консервативно-охранительное крыло сторонников общины, наиболее рельефно представленное К.Д. Кавелиным, К.П. Победоносцевым, Ф. Тернером. Община не виделась им зародышем будущей, альтернативной западноевропейской, перспективной аграрной модели. Они осознавали её экономическое убожество, но видели в крестьянстве, связанном мирской традицией, узами патриархальной семьи, своеобразной «крепостью наделу», нормами так называемого «обычного права», важнейший скреп российской государственности.

Община была жёстким ограничителем личной свободы человека, его имущественных прав, была территорией, на которой отсутствовала строгая определённости правового поля. В таких условиях коллективные действия, направленные на организацию хозяйственно-трудовой деятельности и быта, присущие общине, можно признать лишь внешне напоминающими демократический процесс. отождествление различных проявлений общинного коллективизма с демократией ложно по своей сути. Потому что община рубежа XIX–XX веков была лишена ценностей, признанных базовыми всеми цивилизованными странами мира, включая и Россию, свободы и собственности.

И если главным вопросом русских революций был аграрный вопрос, то его ядром неизменно оставалась проблема крестьянской общины. Не случайно наиболее резкое разграничение направлений общественной мысли в России на протяжении целого века происходило именно в анализе генезиса, сущности, перспектив развития

крестьянского «мира»: славянофилы и западники, народники и марксисты, неонародники рубежа XIX–XX веков и апологеты либерально-консервативного курса, Л.Н. Толстой и А.М. Горький – кто осознанно, кто интуитивно приходили к мысли о том, что общине предопределено стать тем фактором, который окажется решающим в определении судеб России.

Единственным серьёзным оправданием правительственного курса на консервацию и частичную «рационализацию» крестьянской поземельной общины вплоть до 1905 года оставалось стремление властей укоренить порядок, гарантирующий политическую лояльность режиму подавляющего большинства населения страны.

Не только царское правительство укрепляло общину. Крестьяне сами это делали, исходя из собственных интересов. В условиях бурно развивающейся рыночной экономики община смягчала её удары. Будучи не в состоянии предотвратить и устранить экономическое неравенство своих членов, община их защищала в социальном и экономическом плане. Именно эта функция особенно ярко проявилась в период столыпинского наступления на общину. Чем сильнее власти давили и разрушали общину, тем крепче крестьяне держались за неё. Из всех функций общины крестьяне выбирали социальную защищённость, особенно необходимую им в лихой год. Этим можно объяснить прочность общинных устоев в тамбовской деревне.

Община отреагировала на развитие рыночных отношений попытками модернизировать хозяйства: предпринимались шаги по смягчению вредных последствий чересполосицы, практиковались переходы на «широкие» полосы, внедрялись травосеяние и многопольные севообороты, применялись усовершенствованные орудия и машины, различные агротехнические мероприятия.

И если экономические потенции общины всё ещё служили предметом оживлённых дискуссий, то охранительные качества этого древнего института казались несомненными. Именно поэтому наиболее крепкими, с государственной точки зрения, В.К. Плеве считал крестьян общинного земледельческого центра страны. Следовательно, государство, заплатившее дорогую цену за длительное существование общинного землевладения, было убеждено, что главной своей цели – сохранение политической стабильности – оно достигло благодаря крестьянину-общиннику.

«Чёрный передел», начатый стихийным движением снизу, не был расчисткой земли для капитализма. Повсеместно именно община, чутко улавливая ослабление контроля и репрессивное воздействие государственной власти в период войны и городских волнений, возглавила борьбу деревни за землю. И объективно это означало, что в случае успеха борьбы, распространение общинного землевладения на значительную часть казённых, удельных, церковных земель и на все частновладельческие земли, равносильно архаизации аграрных отношений, а отнюдь не их буржуазной трансформации.

Ориентация на выживание, а не на извлечение прибыли, система севооборота – трёхполье, ориентированная на выживание, а не на рыночный оборот, набор основных культур, удлинённый суровой зимой стойловый период содержания скота, вынуждающий сокращать его поголовье и усугубляющий проблему удобрений; отсутствие устойчивого рыночного спроса на сельскохозяйственную продукцию в аграрном обществе, возможность вовлекать в хозяйственный оборот всё новые и новые земельные площади – таков портрет экстенсивного земледелия, типичного для центральной полосы России на протяжении многих веков.

Альтернатива революции имела и была связана с процессом экономической и социальной модернизации, который развёртывался в стране после 1861 года. На его ускорение и углубление именно в крестьянской среде были направлены реформы, начатые Н.Х. Бунге в 1880-х годах. То, что в 1906 – 1910 годах оказалось запоздавшим, в 1880-х годах имело вполне реальную перспективу: рыночная модернизация сельской экономики могла стать органическим процессом и к началу XX века изменить ситуацию в стране.

Подписанный Николаем II указ 9 ноября 1906 года наносил тяжёлый удар по общинному землевладению. Указ предоставлял каждому домохозяину, владевшему надельной землей на общинном праве, право в любое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитавшиеся ему части из указанной земли. Земля предоставлялась в личную, а не в семейную собственность. Исследователи видели в действиях властей намерение сравить однообщественников в борьбе за надельную землю и отвлечь их внимание от латифундий. Некоторые исследователи считали в качестве причины сельских восстаний крестьянскую общину.

Большим препятствием на пути давно назревшего реформирования поземельных отношений было то, что в случае такого реформирования властям пришлось бы расстаться с крестьянской поземельной общиной, абсолютно преобладавшей в крестьянском землевладении и землепользовании губерний Центрального района России.

Разрушение общины не являлось целью столыпинской аграрной реформы. Внесение ключевого элемента реформы – частной собственности на надельные земли в структуру общинного землевладения дестабилизировало крестьянский мир, но не сокрушало его. Правительство не было заинтересовано в окончательном и скором распаде общины.

Деревня губерний Центрально-Земледельческого района вступала в период аграрных преобразований экономически заметно ослабленной: в меньшей степени – крестьянскими беспорядками 1905–1906 годов, в значительно большей степени – серией неурожайных лет (1904 – 1906 гг.). 1907 год выдался урожайным.

Учитывая, что в центральной полосе доминировали многодворные общины, можно утверждать, что выход из общины начался с мелких и средних сельских обществ, и в несколько меньшей степени затронул крупные общины.

В Центрально-Земледельческом районе в 1907–1908 годы земельные переделы были частыми. Община не могла не ощутить на себе изменений, ставших особенно зримых в конце 1907 года: переселенцы, горожане-общинники, малоимущие крестьяне поспешили чересполосно укрепить наделы и продать их. В задачу реформы не входила повсеместная ликвидация общины, что было и экономически не рационально, и социально взрывоопасно.

Первая мировая война дала общине крупный шанс продлить своё существование и укрепить позиции, подорванные столыпинской аграрной реформой, казалось, безвозвратно, хотя вышла из общины только четвертая часть домохозяев, положение крестьянского мира было критическим. Это была затянувшаяся агония исчерпавшего себя общинного землевладения, особенно очевидная в губерниях земледельческого центра, где возможности экстенсивного роста блокировались предельной распаханностью надельных угодий, стремительным ростом сельского населения, незначитель-

ностью денежных ресурсов, которые крестьяне могли направить на покупку земли, резким сокращением земель, сдававшихся в аренду частными владельцами.

Крестьянское хозяйство, как основной производитель и поставщик сельскохозяйственной продукции, показало способность к известной саморегуляции в изменявшихся условиях, нашло внутренние резервы для сохранения посевных площадей основных культур, развития животноводства, активного участия в кооперации. Аграрный сектор экономики не только справился с обеспечением народа и армии всем необходимым, но и обнаружил тенденции ускорения капиталистической эволюции.

Община, служившая средством подчинения деревни государству, в условиях революции действовала как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением. В годы аграрной революции 1917–1918 годов она превратилась в орган сельского самоуправления и выступила в качестве инструмента земельного передела.

2. ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Февральские события 1917 года российская деревня встретила равнодушно. Лишь со временем стали проявляться дремавшие в крестьянстве силы. Вновь обретала смысл борьба за землю. Крестьянское малоземелье, отсутствие чётких правил регулирования земельных отношений, слабость институтов власти на селе придавали аграрному вопросу в Тамбовской губернии особую остроту. В этих условиях роль общинных органов самоуправления заметно возрастала.

Сельские и волостные сходы становились местом обсуждения насущных вопросов деревенской жизни. На них принимались резолюции о преобразованиях в области земельных отношений, выбирались органы местной власти – сельские и волостные советы, исполнительные комитеты, земельные комитеты и др.¹ Сходы явились важным фактором формирования общественного мнения в деревне, выявления настроений и устремлений тамбовского крестьянства.

Так, крестьяне с. Андреевка Борисоглебского уезда на сходе 24 марта 1917 года постановили «приветствовать новое правительство, организованное революцией русского народа и просить его издать закон о передаче всех земель в пользование трудового народа, а до издания закона установить таксу на аренду казённой и частновладельческой земли, причём эта плата должна быть понижена на 50 – 70% против существующей». Подобную резолюцию, но с добавлением решения о прекращении платежей Крестьянскому земельному банку, приняли 27 марта 1917 года на своём сходе крестьяне с. Матвеевка Борисоглебского уезда².

До мая крестьянские выступления в Тамбовской губернии сводились в основном к тому, чтобы затруднить и остановить работу в экономиях. Эти крестьянские меры прямо не вели к преобразованию земельных отношений, но серьёзно дестабилизировали положение в имениях. Отмечались и случаи самовольной запашки барской земли, захватов инвентаря, скота, но не разгромов.

Летом в губернии было зафиксировано 358 крестьянских выступлений, из которых 144 приходилось на июнь³. Для выступлений этого периода характерен рост числа отдельных экономических санкций против землевладельцев: снятие урожая, захваты продовольствия и фуража, порубки, потравы хлебов и лугов. В них почти полностью отсутствовал политический фактор.

Так, проходивший 19 июля 1917 года крестьянский сход в с. Александровка Моршанского уезда вынес приговор о передаче обществу всего урожая пшеницы и ржи с полей княгини Оболенской. Инструкторы Борисоглебской земельной управы сообщали: «...Граждане с. Малая Грибановка, где на общество влияют два-три гражданина, не исполняют распоряжений уездного земельного комитета и предлагают начать ликвидацию всех имений для распределения между собою скота, корма и живого инвентаря... В Большой Грибановке население не признаёт никакой власти... В имении Островского начинаются систематические хищения имущества крестьянами и является необходимость поставить туда человек пять солдат. С Малыми Алабухами дело обстоит ещё хуже: образовалось что-то вроде самостоятельной республики: крестьяне задержали муку в количестве 404 пудов из имения Петрово-Соловово, проданную в армию, и делят её между собой... В Кулябовке сменены населением самые деятельные члены земельного комитета, а выбраны совсем не трудоспособные. В остальных местах положение нелучшее»⁴.

В августе усилились захватные настроения, начались разгромы помещичьих хозяйств. К осени того же года в деревне развернулось мощное движение. Сильный подъём погромной волны в губернии пришёлся на сентябрь⁵.

Крестьянская борьба за социальную справедливость в 1917 году отличалась известной организованностью. Такая организованность отвечала крестьянскому пониманию классовой борьбы, она была способна втянуть в борьбу на основе мирской солидарности практически всё население того или иного общества и придать ей даже в погромной форме определённый для крестьянского понимания порядок. Такими организованными крестьянские выступления становились не благодаря действиям каких-либо политических партий, а вследствие самоорганизованности крестьянского населе-

ния. Это качество могла внести только лишь община, а не различные крестьянские организации, возникавшие в 1917 году, включая и низовые советы.

В послереволюционное время община восстановила своё несколько пошатнувшееся в годы столыпинских реформ правовое и хозяйственное положение. Она сыграла важную роль распределительного механизма в ходе уравнительного перераспределения земли, являясь посредником между государством и отдельным крестьянским хозяйством. Отметим, что площадь участкового землепользования в губернии в послереволюционные годы заметно сократилась: если в 1917 году общая площадь участковых хозяйств равнялась 86 тыс. десятин (в губернских границах 1925 года), то в 1925 году хуторам и отрубам принадлежало лишь 9,3 тыс.; в 1917 году хуторские и отрубные хозяйства имели 2% земельного фонда, то в 1925 году – лишь 0,25%⁶. Это объяснялось жизненностью общинного уклада.

Масштабы общинного землепользования в этот период значительно расширились: если в дореволюционный период в состав общинных земель входило 66,9% земельного фонда губернии (в границах 1925 года), то в 1925 году их удельный вес возрос до 92,6%. Из имевшихся в наличии в Тамбовской губернии 4153194,7 десятин земли в пользовании крестьянских обществ находилось 3413768,5 десятин (82,2%), не считая лесных угодий⁷. Улучшилась в этот период земельная обеспеченность отдельных крестьянских хозяйств. Среднее количество земли, приходившееся на одно хозяйство (не считая лесных угодий), увеличилось с 6,3 (1917 г.) до 8,3 десятин (1920 г.)⁸.

Материалы земельных переделов свидетельствуют о сохранении в тамбовской деревне типичной для дореволюционного времени двухступенчатой общинной организации, при которой на волостном уровне земля распределялась между всеми селениями, входившими в состав волости, а на сельском сходе – между отдельными общинниками, членами земельного общества.

Объединяя наибольшую часть крестьян, и занимая существенное место в социальной структуре послереволюционной деревни, община принималась государством в расчёт при выработке аграрной политики.

В дореволюционное время структура мирских властей строилась на основе «Общего положения о крестьянах» от 19 февраля 1861 года, согласно которому исходным звеном крестьянского самоуправления было сельское общество, включавшее в себя одно или несколько селений. Его руководящим органом являлся сельский сход. Он состоял из крестьян-домохозяев, достигших 25-летия, и возглавлялся сельским старостой. По усмотрению членов сельского общества допускался выбор и других должностных лиц. Несколько сельских обществ составляли волость. Управление делами волости осуществлялось волостным сходом, формировавшимся из представителей сельских обществ и возглавлявшимся волостным старшиной. Контроль за деятельностью органов крестьянского самоуправления возлагался на мировых посредников, губернские по крестьянским делам присутствия, а позднее и земских начальников⁹.

Изменения в структуре мирских властей начались после февраля 1917 года. Временное правительство отменило институт земских начальников, прекратилась деятельность волостных правлений и судов, волостных старшин и писарей, существенно ограничили полномочия волостных сходов. Органы управления сельского общества остались в неизменном виде.

После октября 1917 года на смену старым должностям сельского управления пришли сельские крестьянские комитеты и советы, выполнявшие главным образом административные и судебные функции дореволюционного крестьянского самоуправления.

Избиравшиеся на сельских сходах советы несли в себе черты общинной организации крестьянства. В 1917 – 1919 годах сеть местных советов в Тамбовской губернии нередко строилась с учётом особенностей территориального размещения общин. Сёла, состоявшие из двух и более общин, имели по несколько общинных (общественных) советов. Как справедливо заметил В.В. Кабанов, «крестьянские Советы рождались из понятной и близкой крестьянству идеи локально ограниченной общественной организации. Они были в первую очередь органами самоуправления (мирские организации) и лишь во вторую очередь – органами государственной власти. Общинные принципы отразились и на характере выборов в Советы, и на их построении»¹⁰.

Впоследствии советы в организационно-правовом отношении были отделены от общины. В кратком руководстве о деятельности советов, разработанном в 1920 году Тамбовским губернским отделом управления, предлагалось в селениях, состоявших из нескольких обществ, создавать один общий сельский совет¹¹.

Завершение формального размежевания общины и совета произошло после издания ВЦИКом в 1921 году «Положений административной комиссии». В них выдвигалась задача объединения вокруг сельского совета нескольких селений и превращения его в самостоятельную административно-территориальную единицу¹². С этого времени и до начала сплошной коллективизации в деревне функционировали два органа местного самоуправления: сельсовет и сход.

Правовые основы деятельности общинного самоуправления крестьянства были заложены Земельным кодексом РСФСР 1922 года. В соответствии с ним главным органом, ведавшим делами земельного общества, являлся сход. Он определял организационные принципы деятельности общества (составлял устав общества и т.д.), вырабатывал порядок пользования сельскохозяйственными угодьями, осуществлял приём в состав общества новых членов. Важными функциями схода являлись осуществление земельных переделов и наделение землёй «примаков» (крестьян-одиночек, принятых в состав крестьянского двора)¹³.

В обязанности схода входили также регламентация общественных повинностей и сбор денежных средств для оплаты внутриселенного землеустройства и расходов по судебным делам¹⁴. Кроме того, сход обсуждал и утверждал договоры и торговые сделки с кооперативными и государственными учреждениями, осуществлял займы и получал ссуды в кредитных организациях¹⁵.

Законы и распоряжения советской власти способствовали демократизации сельского схода. Земельный кодекс 1922 года предоставил право участия в работе схода не только домохозяйевам, но и всем полноправным членам земельного общества мужского и женского пола с момента достижения 18-летнего возраста. Крестьяне-общинники моложе 18 лет могли присутствовать на сходе в случае ведения ими самостоятельного хозяйства¹⁶.

Постановления схода считались законными при соблюдении определённых условий. Требовалось наличие необходимого кворума и принятие постановлений большинством голосов собравшихся. Для решения вопросов о порядке землепользования требовалось присутствие на сходе представителей от двух третей всех имевшихся в селе дворов и половины всех полноправных членов общества. Постановления о прекращении дальнейших разделов крестьянских дворов принимались двумя третями всех полноправных членов общества. При разрешении вопросов второстепенной важности достаточным было участие в работе схода домохозяев или представителей половины дворов¹⁷.

Несмотря на то, что законы советской власти существенно расширили членский состав схода, в большинстве мест Тамбовской губернии он долгое время продолжал оставаться собранием домохозяев. В 1925 году из Борисоглебского уезда сообщалось, что обычно «на сходах участвуют лишь представители отдельных хозяйств – старшие... Женщины и молодёжь на таких сходах не участвуют». По сведениям крестьянских корреспондентов, в селах: Марьинка, Вяжля, Новая Деревня и Дербень Кирсановского уезда в первое послереволюционное десятилетие ни одна женщина не принимала участия в работе сельских сходов¹⁸.

В некоторых местах женщины присутствовали на сходах, но в незначительном количестве. Например, в селе Большое Шереметьево Моршанского уезда на общее собрание обычно являлись все мужчины и лишь 6–7% женщин¹⁹.

Для характеристики состава послереволюционного схода весьма интересным представляется эпизод из деятельности Уваровского волисполкома Борисоглебского уезда. 10 сентября 1925 года здесь рассматривался вопрос, кого можно считать полноправным членом схода и при каком количестве присутствующих общее собрание будет законным. Члены волисполкома высказали мнение, что «по едокам можно только землю делить, а для собрания это неприменимо». В ходе обсуждения было принято постановление считать сельское собрание законным, когда на нём присутствует простое большинство домохозяев, и незаконным, даже в случае присутствия на нём большинства едоков. Это постановление Уваровского волисполкома противоречило Конституции, по которой в работе

схода могли участвовать все 18-летние граждане. Члены волисполкома объяснили своё решение тем обстоятельством, что большинство женщин, молодёжи, престарелых, а также членов общества, живущих вдали от центра села, на сходы чаще всего не являлось²⁰.

Количество постоянно участвовавших в работе схода крестьян в разных местах губернии было неодинаково. В Пичаевской волости Борисоглебского уезда, например, на сельские собрания являлось от 13 до 28% всего числа членов. Лишь в исключительных случаях посещаемость достигала 40 – 50%. В с. Чернитово Моршанского уезда, где проживало более 2 тысяч человек, сход считался действительным при наличии 36 человек. В других селах Моршанского уезда посещаемость собраний была более высокой. Так, в селах Черкино, Кершанка, Борки, Студенец-Соломинка на них присутствовало до 70% домохозяев²¹.

Как следует из отчётов губернского и уездных исполкомов, посещаемость сходов в Тамбовской губернии в целом была низка. В первом полугодии 1926–1927 годов она составляла в среднем 19,7% от всего числа членов, причём количество женщин редко превышало 6% от общего числа участников собраний²².

Одной из причин низкой посещаемости сходов являлась, порой, атмосфера их работы, которая не способствовала деловому разрешению назревших вопросов деревенской жизни. Непрерывный гам, ругань, деление крестьян на группы, занимавшиеся обсуждением своих личных проблем, стали привычными атрибутами многих сельских сходов. По словам члена губернской комиссии по оживлению Советов Студенецкого, «собрание имеет подчас такую физиономию, от которой становится страшно»²³.

Довольно часто не соблюдался порядок проведения собраний: отсутствовали председатель или президиум собрания, не вёлся протокол, не осуществлялся контроль за выполнением решений схода. В таких случаях характер постановлений схода нередко определялся той частью крестьян, которая именовалась в сельской среде «крикунами» и «горлопанами». Остальные же общинники участия в обсуждении вопросов не принимали²⁴.

О фактах беспорядков на сельских сходах свидетельствовали многочисленные сообщения с мест. Так, корреспондент Моршанской газеты «Красный звон» в декабре 1925 года сообщал: «В селе

Карелях собрания собирались каждое воскресенье и затягивались до глубокой ночи. Мелочные вопросы, шум, беспорядочное ведение заседаний отбили охоту у крестьян ходить на собрания. Бывало из 6000 населения соберётся 100 – 150. А теперь и столько не собирается. Что же, мол, зря время губить». В поселке Ивановские Дворики Саюкинской волости Тамбовского уезда разрешение запутанных земельных вопросов заканчивалось, как правило, «скандалом и руганью»²⁵.

Широко распространённым явлением на сходах стало употребление спиртных напитков. Ни одно важное дело в деревне, будь то земельный передел, сдача в аренду общественных угодий, раздел леса и т.п. не обходилось без выпивки. Заметки крестьянских корреспондентов об укоренении в деревне этого зла постоянно публиковались в местной прессе. В селе Александровка Каменской волости Тамбовского уезда, например, распитие спиртного при сдаче общественной земли в аренду было обычным делом. Во время земельных переделов в этом селе всегда оставался небольшой участок нераспределённой земли, который сдавался по предложению группы так называемых горлопанов «на пропой»²⁶. Вполне заурядными были случаи, когда с целью склонить сход к положительному разрешению важного для себя вопроса крестьянин прибегал к помощи «магарыча»²⁷.

Демократизация схода в послереволюционной деревне предполагала широкое привлечение к его работе женского населения. Закон предоставил женщине право наравне с мужчиной принимать участие в обсуждении вопросов сельской жизни. Однако консерватизм во взглядах, приверженность традиционным нормам поведения и быта, а зачастую и обычное бескультурье, широко распространённое в крестьянской среде, мешали женщине занять подобающее место на сельском сходе.

Как отмечалось на одном из заседаний губернской комиссии по оживлению Советов (1925 г.), в целом ряде мест сложилось «возмутительное и ненормальное» отношение к женщинам, желавшим участвовать в общественной жизни села. Из Кирсановского уезда по этому поводу сообщалось: «Многие крестьяне смотрят на привлечение женщин к общественной работе, как на совершенно напрасную и даже вредную затею. Они говорят: «Куда бабам в

общественные дела лезть, у бабы волос длинен, а ум короток; сидели бы себе дома, с горшками возились. ... Иногда крестьянин гонит свою жену с схода, не позволяет ей участвовать в разрешении общественных дел». В Калачинском обществе того же уезда положение женщины было нелучшим: «Лишь только покажется на собрании какая-нибудь женщина, мужики начинают смеяться над ней и отпускать по её адресу всевозможные шутки»²⁸.

Несмотря на существовавшее у значительной массы крестьян негативное отношение к женщине-общественнице, нельзя не отметить постепенно возрастающую роль последних в жизни сельских обществ. Во многих местах их присутствие на сходе становилось привычным явлением. Более того, перестали удивлять случаи, когда женщины занимали выборные должности крестьянского самоуправления²⁹.

Сход, как известно, обсуждал вопросы первостепенной для земельных обществ важности. Для решения второстепенных вопросов жизни села и выполнения постановлений схода была введена должность временных земельных уполномоченных. Избиравшиеся первоначально от случая к случаю, они превратились со временем в постоянный исполнительный орган сельского схода. Когда сельское общество объединяло большое количество дворов, закон предоставлял ему право выбирать совет уполномоченных³⁰.

Наиболее широкими правами наделялись уполномоченные, занимавшиеся производством коренных земельных переделов и проведением внутриселенного землеустройства. В случае необходимости уполномоченные обязывались вырабатывать для общин порядки землепользования и введения улучшенного севооборота. Так, земельное общество с. Чутановка Градоуметской волости Кирсановского уезда выбрало 29 апреля 1926 года для производства нового передела трёх уполномоченных, предоставив им право вступать от имени общества в переговоры с земельными органами, улаживать все возникавшие конфликты и представлять общество в суде. Крестьяне общества с. Бондари Тамбовского уезда избрали на своём сходе 10 сентября 1922 года двух уполномоченных для поездки в Тамбов. В их обязанности входило заключение договора с землемером о разбивке общинной земли для введения трёхпольного севооборота. Расходы на поездку уполномоченных общество взяло на себя, собрав с каждого крестьянина по 500 рублей³¹.

Общество д. Федосеевка Богословско-Новиковской волости также избрало уполномоченного по земельным вопросам, предоставило ему право от своего имени участвовать в землеустроительных делах, касавшихся отвода обществу земли при разверстании земель волости. Уполномоченный должен был присутствовать на всех землеустроительных совещаниях, подписывать составлявшиеся на них протоколы и др. В подтверждение прав уполномоченного общество д. Федосеевка выдало ему удостоверение, в котором заверяло, что «со всем законно им сделанным спорить не будет»³².

Уполномоченные общества по земельным делам выбирались из среды наиболее авторитетных, пользовавшихся доверием крестьян. Принимались во внимание не только деловые качества крестьянина, но и его нравственный облик, поведение в повседневной жизни, случаи антиобщественного поведения уполномоченных (пьянство, денежные растраты и пр.) обществом резко осуждались³³.

Оплата труда уполномоченных производилась, как правило, в денежной или натуральной форме. Единого порядка вознаграждения выборных лиц не существовало. Величина оплаты их труда зависела от экономического положения земельного общества, а также от степени важности и сложности поручаемого им дела. Так, крестьяне Косьмодемьянско-Криушинского общества Беломестно-Двойнёвской волости Тамбовского уезда на своем сходе 21 января 1922 года решили «собрать денежную сумму с каждой надельной души по 2000 рублей с целью создания общественного фонда для приобретения канцелярских принадлежностей и для выдачи командировочных уполномоченным при поездках разным делам общества». Сергиевское общество Пичаевской волости Борисоглебского уезда постановило избрать на 1925 год двух уполномоченных по разделу земли с жалованием 10 рублей в месяц³⁴.

В своей многогранной хозяйственной деятельности сельская община не могла обойтись без ряда выборных должностей крестьянского самоуправления. Для выполнения различных поручений земельного общества избирались особые уполномоченные и доверенные лица. Широкое распространение в общинах Тамбовской губернии получил институт «ходачества». Ходоки от обществ защищали интересы общины в земельных спорах, добивались выде-

ления ей лесных и луговых угодий и т.п. Проводя массу времени в поездках по делам общества, ходоки получали от него значительные денежные средства в виде суточных, проездных и квартирных денег. В качестве примера можно привести эпизод из деятельности крестьянского общества с. Стрелецкая Слобода Тамбовского уезда. Стрелецкие крестьяне, недовольные отрезкой 900 десятин земли в пользу соседнего Бокинского общества, решили искать правду по этому делу в Москве. Они выбрали ходоков и выдали им на проживание в столице 160 рублей. Деньги были получены крестьянами за счёт сдачи в аренду общественной земли³⁵.

Выбор ходоков осуществлялся общинниками с учётом деловых способностей кандидатов на эту должность, а также наличия у них необходимых для решения того или иного вопроса связей или родства. Крестьяне с. Моховое Троице-Дубровской волости Козловского уезда, составив прошение в уездный финансовый отдел о снижении ставок единого сельскохозяйственного налога, использовали в качестве ходатая хорошо разбиравшегося в данном вопросе волостного фининспектора³⁶. Атмановское общество Сосновской волости Моршанского уезда избрало своим адвокатом в судебном разбирательстве по поводу земельного спора с соседним селом местного крестьянина Дьячкова, объяснив свой выбор тем, что у него «езде связи и родство»³⁷.

Для наблюдения за ходом сельскохозяйственных работ и борьбы с хищениями с полей во время уборки урожая в общинах выбирались полевые и луговые объездчики и караульщики. Чаще всего они служили без вознаграждения, и лишь в редких случаях общество оплачивало их труд. Так, крестьяне с. Куксово Горельской волости Тамбовского уезда ежегодно терпели значительный ущерб от потравы хлебов скотом соседнего с. Солдатская Духовка. Для предотвращения возможных потрав своих хлебов сход крестьян 9 апреля 1922 года решил пригласить караульных по охране полей. В качестве зарплаты им разрешалось произвести покос в определённом собранием месте³⁸.

В каждом обществе имелись сельские исполнители, а также сотники и десятники – должностные лица, известные в качестве низших полицейских чинов органов крестьянского самоуправления ещё в дореволюционное время. Они поочередно исполняли поручения

чения сельского совета: несли дежурство при нём, осуществляли охрану волисполкома, оповещали граждан о времени и месте созыва сельского схода, проводили различные сборы на нужды общества, участвовали во взимании сельхозналога. Вознаграждения за службу им не полагалось³⁹.

Служба сельским исполнителем или десятником являлась для крестьян тяжёлой повинностью, так как отрывала их от работы по хозяйству. На них смотрели зачастую как на бесплатную рабочую силу, которую можно использовать в качестве сторожей, уборщиков, курьеров, конюхов и т.д. Крестьяне старались отделаться от этой повинности и для выполнения очередной службы нередко посылали вместо себя детей и стариков⁴⁰.

В некоторых обществах служба десятников осуществлялась не в порядке очерёдности, а по найму. Так, например, общее собрание граждан с. Новая Грязная Сосновской волости, состоявшееся 20 декабря 1925 года, постановило в качестве десятника «нанять с торгов гражданина Соломатина Трофима Трофимовича за 50 рублей в год. Зарплату производить за заслуженный месяц по 4 рубля 15 копеек»⁴¹.

В зависимости от местных условий и сложившихся в общине обычаев, могли существовать и другие должностные лица. Кроме того, периодически возникали дела, выполнение которых требовало расширение штата должностных лиц общества.

В Тамбовской губернии существовали земельные общества, территориальные границы которых совпадали с районом действия сельских советов. В этих случаях законодательство становилось на путь сближения сельсовета с земельным обществом: уполномоченные по земельным делам здесь не выбирались, а их обязанности поручались сельскому совету. Советы, таким образом, получали функции исполнительных органов земельного общества. Но при этом не должно было происходить полного слияния общинных органов самоуправления с низовым советским аппаратом. Закон рассматривал земельные общества как самостоятельные хозяйственные организации, отделяя их от низовых органов власти, несших в основном административные и бюджетные функции.

Взаимодействие органов общинного самоуправления и сельского советского аппарата в Тамбовской губернии представляло

собой сложную картину. Формы взаимодействия зависели от хозяйственной мощности земельных обществ, развития инициативы и самостоятельности в крестьянской среде. Анализ имеющихся материалов позволяет, на наш взгляд, выделить два основных типа взаимодействия общины и советов.

Немалое распространение в губернии получило обособленное существование сельсовета и земельного общества. Подобное положение во многом объяснялось значительным расстоянием, отделявшим некоторые поселения от сельских административных центров. В первой половине 1924 года в ходе кампании по укрупнению советов их число в Тамбовской губернии сократилось с 1665 до 700. В результате, многие сельсоветы вынуждены были обслуживать до 18 и более населённых пунктов, что существенно затрудняло их контакты с земельными обществами. Расстояние от административного центра до некоторых сёл достигало 30 верст. Отсутствие транспортных средств заставляло председателей сельсоветов пешком проделывать многокилометровые маршруты при обходе подконтрольных советам селений. По признанию одного из участников губернского совещания по советскому строительству (1925 г.), «первичные органы власти целиком оторвались от населения». Внимание сельсовета «сосредоточилось лишь на селе, где находится сам сельсовет, а где село за 15 верст, он там бывает раз в год»⁴². В таких случаях низовой советский аппарат был далек от действительного руководства хозяйственной жизнью своего района, предоставляя широкие возможности для работы традиционному органу местного самоуправления – сходу.

Объединение деятельности земельного общества и сельсовета путём передачи последнему функций исполнительного органа общинного самоуправления являлось вторым наиболее распространённым в губернии типом взаимоотношений между данными сельскими организациями. В ряде же мест сельсоветы, в обход законодательства, осуществляли администрирование всех земельных обществ, находившихся на их территории.

Например, земельные общества Мордовской волости Тамбовского уезда не имели своих исполнительных органов управления, а их обязанности лежали на соответствующем сельсовете. Все сёла, входившие в состав Лавровского сельсовета, имели в нём своих

представителей, являвшихся одновременно членами сельского совета и уполномоченными общества по земельным делам. Они проводили в жизнь постановления советской власти, выступали в качестве доверенных лиц общества в судебных процессах по земельным спорам и т.д. Все собрания обществ созывались сельсоветом и проводились под его руководством. Уполномоченные сельсовета предлагали повестку дня собрания, участвовали в его президиуме, выступали с докладами⁴³.

В с. Мордово для более тесного контакта общества с сельсоветом крестьяне выбрали в 1925 году уполномоченного сельцентра, который обязывался выполнять все задания председателя сельского совета и получал зарплату. Все постановления схода сельсовет направлял на утверждение в волисполком. Работники совета считали, что менять сложившийся порядок их взаимоотношений с земельными обществами нет необходимости, так как работа в этом направлении велась вполне удовлетворительно, и к тому же, общества не имели достаточных средств для содержания своих особых выборных органов⁴⁴. Подобным же образом складывались взаимоотношения между советами и общиной в Рассказовской волости Тамбовского уезда. Так, в Ивановском сельсовете, в состав которого входило семь селений с общинной формой землепользования, функции исполнительных органов земельного общества также принадлежали сельскому совету. Для укрепления связи с советом сходы избирали из числа имевшихся в том или ином селе членов сельсовета одного старшего, который должен был играть роль связующего звена между административным центром и данным селом. В тех сёлах, где имелись особые уполномоченные сельского совета, назначавшиеся на его пленарных заседаниях (д. Ивановка, Каменные Озерки, Надежино и др.), старшие члены сельсовета не выбирались. Старшие члены сельсовета и его уполномоченные постоянно находились в своих сёлах и были обязаны выполнять все распоряжения власти, а также следить за сходами граждан, которые не проходили без их участия. Уполномоченные сельского совета в этих сёлах одновременно выполняли функции уполномоченных общества по земельным делам⁴⁵.

Для созыва схода требовалось представить в сельсовет его повестку. После получения разрешения сельсовета сход собирался.

Председателем собрания нередко являлся уполномоченный или старший член сельсовета. Он следил, чтобы число собравшихся на сход соответствовало положенному по закону, оглашал повестку дня, давал разъяснения по возникавшим вопросам, наблюдал за ходом прений. В его функции входили подсчёт голосов и руководство оформлением протокола. Подписанные председателем и секретарём собрания протоколы направлялись сначала в сельсовет, а затем на утверждение в волисполком. Когда постановления общества и порядок их принятия соответствовали формальным требованиям закона, то они могли быть введены в действие сразу же после их подписания большинством присутствовавших на собрании крестьян. Согласно Земельному кодексу, земельные общества не являлись подконтрольными сельсовету, а волисполком имел право лишь формально наблюдать за соответствием их действий требованиям законодательства.

Земельные общества, передавшие сельскому совету функции своих исполнительных органов, начинали рассматривать его не только как представителя революционной диктатуры в деревне, но и как орган общинного самоуправления, способный отстаивать жизненные интересы крестьян. Этому способствовало так же то обстоятельство, что сельсоветы получали в изучаемый период значительную часть средств на своё содержание из бюджета земельных обществ. Общинные деньги тратились на доплату председателю и секретарю сельсовета, наём сторожей и сельставки, ремонт, освещение и отопление административного здания, приобретение канцелярских принадлежностей и др.

В связи с этим становится понятным недовольство крестьян распространением в стиле руководства ряда сельсоветов методов грубого администрирования и командования, сосредоточением сил работников советского аппарата на сборе зачастую непосильных для земледельцев налогов, их невниманием к насущным потребностям села. В крестьянских наказах, обращённых к депутатам советов, содержались призывы «более стойко и мужественно» защищать права крестьян, развернуть работу по улучшению бытовых условий их жизни и способствовать справедливому урегулированию земельных противоречий между соседними земельными обществами⁴⁶.

Итак, структура крестьянского самоуправления в Тамбовской губернии претерпела существенные изменения. Упразднились старые должности, им на смену пришли советы, выполнявшие главным образом административно-судебные функции дореволюционных мирских органов.

Вместе с тем в деревне продолжал действовать традиционный институт крестьянского самоуправления – сход. Советская власть демократизировала его состав, однако вплоть до конца 1920-х годов в большинстве мест Тамбовской губернии крестьянский сход представлял из себя обычное собрание домохозяев с незначительным участием молодёжи и женщин.

Для выполнения широких хозяйственных функций община содержала значительный штат выборных должностей, многие из которых были известны ещё в дореволюционное время. Среди них большим авторитетом и влиянием пользовались уполномоченные по земельным делам. В ряде мест Тамбовской губернии наблюдалась тенденция к слиянию органов общинного самоуправления с низовыми органами Советской власти. В случае совпадения их территориальных границ, функции исполнительного органа земельного общества передавались совету.

На основе всего вышесказанного можно утверждать, что в 1920-е годы в системе крестьянского самоуправления сохранилось немало элементов общинной организации дореволюционного времени.

Примечания

¹ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). – Ф. Р-946. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 22; История советского крестьянства. – М., 1986. – С. 30.

²Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. – Тамбов, 1927. – С. 12–13.

³Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. – М., 2003. – С. 11.

⁴ГАТО. – Ф. Р-946. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 6-6 об.

⁵См.: Сельцер Д.Г. Погромное движение в Тамбовской деревне. Сентябрь – декабрь 1917 г. // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. научных статей. – Тамбов, 2001. – С. 99 – 108.

⁶Материалы по современному землепользованию Тамбовской губернии. – Тамбов, 1926. – С. 11 – 20.

⁷Там же. С. 13, 16, 20; Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. – Тамбов, 1922. – С. 13.

⁸Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. – Тамбов, 1922. – С. 13.

⁹Полное собрание законов Российской империи. – Изд. 2-е. – Т. XXXVI. – № 36657, 36660.

¹⁰Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. – М., 1984. – С. 108.

¹¹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 519. – Л. 36 об.

¹²Бурцев Е.К., Когин Г.И., Чистяковский Н.В., Шаврин Н.В. Низовой бюджет и общественное хозяйство деревни. – М., 1928. – С. 65.

¹³Козлов Н.И. О земельном обществе. – М.-Л., 1926. – С. 16–17.

¹⁴Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 – 1954 гг. – М., 1954. – С. 160–161.

¹⁵Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977. – С. 103.

¹⁶Земельный кодекс РСФСР. 1922 г. – Л., 1928. – С. 185.

¹⁷Козлов Н.И. Указ. соч. – С. 22.

¹⁸Голос пахаря. 1925, 8 августа; Тамбовский крестьянин. 1926, 16 июля.

¹⁹Тамбовская правда. 1925, 18 июня.

²⁰Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. – М., 1928. – С. 41–42.

²¹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1863. – Л. 36; Д. 1090. – Л. 39; Красный звон. 1925, 12 августа; Тамбовская правда. 1925, 18 июня.

²²ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1863. – Л. 53, 74 об., 103 об., 118, 151-151 об.

²³Там же. Д. 951. – Л. 142.

²⁴Тамбовская правда. 1925, 27 сентября.

²⁵Красный звон. 1925, 19 декабря; Тамбовский крестьянин. 1926, 19 ноября.

²⁶Тамбовский крестьянин. 1926, 26 ноября.

²⁷ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1123. – Л. 18; Тамбовский крестьянин. 1926, 5 февраля.

²⁸ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 951. – Л. 134; Д. 1506. – Л. 297; Тамбовский крестьянин. 1926, 10 сентября; Красный звон. 1925, 19 декабря; Наша правда. 1925, 25 ноября.

²⁹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1506. – Л. 297.

³⁰Земельный кодекс РСФСР. 1922 г. – С. 184.

³¹ГАТО. – Ф. Р-955. – Оп. 1. – Д. 1177. – Л. 9; Ф. Р-49. – Оп. 1. – Д. 244. – Л. 15 об.

³²Там же. Ф. Р-49. – Д. 29. – Л. 444.

³³ГАТО. – Ф. Р-49. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 3 об.; Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1093. – Л. 132.

³⁴Тамбовская правда. 1925, 12 апреля.

³⁵Там же. 22 января.

³⁶Красный звон. 1925, 16 сентября, 19 сентября, 21 октября.

³⁷Тамбовская правда. 1925, 9 января.

³⁸ГАТО. – Ф. Р-49. – Оп. 1. – Д. 327. – Л. 76.

³⁹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 787. – Л. 15; – Д. 1078. – Л. 17, 24 об.; Д. 1083. – Л. 1, 136 об.; Д. 1090. – Л. 24 об.; Ф. Р-49. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 19.

⁴⁰Тамбовский крестьянин. 1926, 28 мая.

⁴¹ГАТО. – Ф. Р-1184. – Оп. 4. – Д. 615. – Л. 346.

⁴²Там же. Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 949. – Л. 77-79.

⁴³Там же. Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1078. – Л. 15-15 об.

⁴⁴Там же. Л. 22-22 об.

⁴⁵Там же. Д. 787. – Л. 2; 8; 10.

⁴⁶Там же. Д. 951. – Л. 71; Д. 787. – Л. 13.

3. ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ОСНОВЕ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 ГОДА

Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 года, сыграла важную роль в процессе формирования советской избирательной системы. После её принятия, в августе того же года волостные и сельские Советы Тамбовской губернии, «начали переходить на правильные формы выборной организации»¹.

Как известно, только выборы в сельские и городские Советы были прямыми. Согласно статье 70 Конституции, подробный порядок проведения их определялся местными Советами в соответствии с инструкциями ВЦИК РСФСР. Первым таким законодательным актом, принятым на основе Конституции РСФСР 1918 года, стала Инструкция ВЦИК о порядке перевыборов волостных и сельских Советов депутатов от 2 декабря 1918 года². Согласно указанной инструкции, повсеместно, в кратчайший срок должны были пройти перевыборы всех волостных и сельских Советов. Это была первая массовая избирательная кампания на основе Конституции 1918 года. Вновь избирались органы власти там, где они были заменены комбедами, созданными для борьбы с деревенским кулачеством.

8 декабря 1918 года постановлением Губисполкома для производства выборов в Тамбовской губернии была назначена первая губернская комиссия по перевыборам Советов³. Волостные избирательные комиссии назначались уездной избирательной комиссией либо образовывались волостными комбедами. К примеру, 14 января 1919 года для производства выборов Плавицкого волостного Совета Липецким уездным исполнительным комитетом была создана волостная избирательная комиссия в составе двух членов, во главе председателя Плавицкого волостного комитета бедноты Знамина и его заместителя Чичковского⁴. Соответственно сельские избирательные комиссии создавались или сельскими комбедами, или назначались волостной избирательной комиссией. «При этом само собой понятно не должны были оказывать никакого влияния

на выборы все эксплуататорские элементы, помещики, кулаки, мироеды...»

Во всех уездах губернии по вопросу назначения предстоящих перевыборов были проведены уездные совещания волостных и сельских Советов⁵. На проходившем 1 ноября 1918 года первом съезде Председателей и Секретарей волостных Советов депутатов Кирсановского уезда один из председателей волостных Советов Паршков заявил: «... у нас на местах сейчас и комитеты бедноты, и партии коммунистов переизбирают Советы, чем нарушают Конституцию. Мне кажется, нам необходимо стоять на выполнении Конституции и не допускать, чтобы комитеты бедноты или партия коммунистов-большевиков переизбирала волостные Советы по своему усмотрению». На что помощник заведующего отделом управления Кирсановского Исполкома Краснов высказал: «...у нас сейчас диктатура партии коммунистов-большевиков и выборы производит она, а если выборы производить по Конституции, то в Советы попадут кулаки, с которыми мы ведём борьбу, ...выборы по Конституции партия допустить не может, тогда не окажется ни одного идейного работника, а сплошь и рядом попадут саботажники»⁶. Единственное, чем руководствовалась власть – в Советы должны были пройти коммунисты. Если в состав Советов входили беспартийные, большое внимание уделялось их отношению к советской власти. Так, по Лебедянскому уезду в Советы прошли «официально беспартийные бедняки и среднее трудовое крестьянство, которые с первого же слова заявили себя сторонниками советской власти, что характеризуется многими резолюциями, вынесенными на волостных съездах», а в Моршанском уезде «в число избранных беспартийных попали лица, физиономия которых ещё не выяснена, но не исключена возможность наличия в среде этих беспартийных кулацких элементов».

Первая избирательная кампания затянулась до февраля 1919 года. Средний процент населения, участвовавшего в перевыборах, в целом не превышал 25 – 30. Но в некоторых волостях он был значительно выше. Например, по данным четырёх сельских избирательных комиссий Приходско-Кашинской волости Моршанского уезда в выборах приняло участие от 57 до 62% сельского населения, имеющего право участвовать в выборах⁷.

В итоге по всей губернии были проведены перевыборы, «передавшие власть в деревне в надёжные руки»⁸. Однако присланный ВЦИКом для «усиления советской работы» Народный Комиссар почт и телеграфов Подбельский так охарактеризовал положение советской власти в Тамбовской губернии по окончании избирательной кампании: «Советы в настоящее время во многих местах существуют только на бумаге, ... общая расхлябанность, мешанина, обывательщина, полное безразличие ко всему советских работников»⁹.

Следующая избирательная кампания в 1919 году проходила по истечении трёх месяцев: сначала в июне–июле, а потом в сентябре–октябре. К предстоящей осенней избирательной кампании губернский отдел управления вновь выдавал свои директивы: «Ни одного кулака, ни одного сочувствующего им в Советы не должно попасть, ... при выборах можно вполне положиться на тех кандидатов, которые будут выдвинуты ячейкой»¹⁰.

В качестве примера предлагаем результаты выборов в Машково-Суренской волости Козловского уезда¹¹:

Населённый пункт	Дата проведения выборов	Всего жителей старше 18 лет	Участвовало в выборах			Избрано членов Совета		
			всего	коммунистов	беспартийных	всего	беспартийных	коммунистов
Машково-Сурена	09.10.1919	2186	978	2	976	16	15	1
Топинка	01.10.1919	230	140	–	140	3	3	–
Казинское	27.09.1919	30	20	–	20	2	2	–
Федоровка	27.09.1919	180	80	–	80	2	2	–
Сибирка	27.09.1919	180	23	–	23	3	3	–

Как видно, коммунисты входили в состав Советов очень редко, в основном в тех местах, где имелись коммунистические ячейки, да и тогда их процент был очень мал, в среднем по губернии он не превышал двух–трёх. Основной состав депутатов сельских Советов представляли беспартийные крестьяне. Также следует отметить, что в выборах в этот период принимало участие достаточно большое количество местного населения. Учитывая, что посещаемость выборов в Тамбовской губернии была одной из самых низких по Центральной России, в 1919 году она составляла в среднем 34%¹².

Начиная ещё с осени 1918 года по большинству уездов прокатилась волна крестьянских восстаний. Безусловно, всё это отражалось и на проведении выборных кампаний. Практически ни в одном из уездов не обходилось без вооружённых конфликтов. Для выполнения директивы по очистке советских органов от «всякой нечисти, налипшей к ним», и прежде всего, для устранения от участия в выборах «нежелательных элементов» применялись самые различные меры, начиная с предоставления в Губисполком сведений о том, «кто из буржуазии проживает в волостях»¹³, и заканчивая применением оружия «пролетарской мести».

С середины 1920 года в Кирсановском, Козловском, Тамбовском, Моршанском и Борисоглебском уездах местная власть попросту была распущена, а «непокорные» Советы заменены революционными комитетами. В 1921 году ревкомы продолжали действовать. Местные Советы, там, где они существовали, были практически безвластны. К предстоящей летней избирательной кампании Тамбовский губком РКП(б) в июле 1921 года разослал местным партийным организациям и Советам циркулярное письмо о проведении выборов: «...вся кампания должна проводиться под коммунистическими лозунгами – твёрдыми, отчётливыми, как единственно правильными. Безусловно, большинство коммунистов – также совершенно обязательная директива кампании»¹⁴. На протяжении 1921 года по всей губернии тянулась разрозненная череда выборов в сельские и городские Советы, потом волостные, уездные съезды Советов. Со всех уездов тянулись бесконечные сводки о ходе перевыборов. Трёхмесячный срок, установленный Конституцией, не соблюдался. Намеченные выборы откладывали, переносили или не проводили вовсе.

В декабре 1921 года IX Всероссийский съезд Советов признал необходимым продлить срок полномочий членов Советов до одного года. Тем самым, появилась возможность проводить перевыборы одновременно по всей стране.

В Тамбовской губернии в 1922 году выборы впервые проходили в условиях мирной обстановки. Первая избирательная кампания – в июне–июле – в связи с истечением срока полномочий членов волостных Исполкомов, вторая – в ноябре–декабре – в связи с новой инструкцией ВЦИК. Сравнивая последние перевыборы с перевыборами предыдущими – в 1919 и 1920 годах, в партийных изданиях отмечалось «заметно резкое различие в отношении крестьянства к перевыборам»¹⁵. Поскольку особенное внимание властей уделялось не только «широкому вовлечению граждан на выборы», но и полному устранению от участия в них неугодных лиц, такое «внимательное» отношение крестьян выражалось для коммунистов в том, что те «группами и в одиночку подавали заявления в Избирательные комиссии об отводе лиц, лишённых избирательных прав».

В ходе предвыборной кампании давались чёткие разъяснения, кто и почему может участвовать в выборах, а кто – нет. «Арендаторы мельниц, просорушек, маслобоен и прочие не могут быть избранными и избирателями, потому что арендаторы – люди, использующие чужой труд в своих личных интересах. Люди, обогащающие своё личное состояние, не являются трудящимися. Если советская власть дала им возможность вести подобные хозяйства, то она имеет в виду поднятие хозяйства Республики в целом, устранение разрухи при помощи мелких предпринимателей. Отсюда не вытекает право быть избирателем и избираемым. Пользуются таким правом все, занимающиеся хлебопашеством в целях своего пропитания, все, прилагающие ручной и умственный труд на пользу государства, то есть крестьянство, кузнецы, сапожники и учительство... Но при выборах должна быть осторожность, потому что «в семье не без урода»... Вот почему и надо выбирать коммунистов – они знают жизнь крестьянина, его заботу, нужду и смогут улучшить положение крестьянства»¹⁶.

Подготовку к перевыборной кампании местные ячейки начинали заранее. «Перед нами стояла задача иметь в волостях коммунистов, поэтому ...давали указания всем нашим уполномоченным

провести намеченных нами товарищей» – сообщал в закрытом письме секретарь Лебедянского Укома¹⁷.

Крестьяне, между тем, всё больше отказывались идти на выборы. В Козловском уезде «уже появились симптомы: крестьяне поговаривают, что стали вот Советы без коммунистов и дело пошло хорошо»¹⁸.

В итоге, в результате выборов осенью 1922 года в сельские Советы было избрано 11 976 человек. На выборах в основном проходили беспартийные крестьяне, середняки и бедняки. Несмотря на то, что, по сравнению с летними выборами 1922 года, то есть спустя всего шесть месяцев, доля коммунистов в составе сельских Советов заметно возросла, всё же пополнение ими местных органов власти, велось медленно. И это, невзирая на многочисленные приёмы, позволяющие манипулировать составом Советов и формировать их аппарат из угодных людей. «Ожили» и сопротивлялись данным действиям партии, «захотев воспользоваться избирательными правами», в городе – «нэпманы и работники бывшего царского суда, а в деревне – кулаки и другие паразитические слои...»¹⁹.

В преддверии очередной избирательной кампании в октябре 1923 года Тамбовский Губком партии давал новые указания на места: «В предвыборную кампанию следует тщательно пересмотреть состав сельских Советов и наметить новых кандидатов вместо несоответствующих. Особенно нужно предусмотреть стремление кулаков пролезть в Советы»²⁰. В дополнение к основному перечню, установленному Конституцией 1918 года, теперь лишались избирательных прав все, кто пользовался наёмным трудом, либо жил на нетрудовой доход в прошлом, то есть до революции и в момент неё. Среди «лишенцев» оказались так называемые «бывшие» – бывшие помещики, арендаторы, торговцы, банкиры и пр., а также бывшие служители церкви. Как сообщалось в местной партийной периодической печати, «в 1923 году избирательные комиссии сосредотачивали своё внимание на устранении от участия в выборах не только «стрелочников», но главное, более ответственных руководителей «царского режима»²¹.

Всего по данным избирательных комиссий в Тамбовской губернии в 1923 году потенциальных избирателей, то есть граждан старше 18 лет, насчитывалось 1 442 048 человек, из них лиц, кото-

рых лишили права голоса – 39 438 человек, или 2,7%. Эти цифры были общими по всей губернии. Для более яркой характеристики проведём анализ данных, например, Черняновской волостной избирательной комиссии Тамбовского узда. Выборы по восьми сельским Советам этой волости проходили со 2 по 4 ноября 1923 года.

**Общие сведения о результатах выборов членов
сельских Советов Черняновской волости Тамбовского уезда
в ноябре 1923 года²²**

Сельский Совет	Черняновский	Ново-Слободский	Чекмарёвский	Троицко-Вихляйский	Малиновский	Дубковский	Мазовский	Троицко-Дубровский
Количество населения	3842	2880	2370	2460	2685	300	1200	1613
Устранено от выборов:	42	124	41	13	48	2	2	15
за участие в бандитизме	36	124	37	10	–	–	2	15
бывшие служащие полиции	1	–	–	–	2	2	–	–
служители церкви	5	–	2	3	3	–	–	–
прочие	–	–	1	–	43	–	–	–
Участвовало в выборах	285	150	115	180	159	51	185	124
Избрано всего депутатов:	22	16	12	11	12	3	6	15
члены РКП(б)	1	1	2	–	1	–	–	–
крестьяне	22	16	11	12	12	3	6	15

Первая отличительная черта выборов – это способ формирования сельских Советов, то есть число местных жителей, которых представлял один депутат. Напомним, в Конституции норма представительства в сельский Совет составляла 100 человек, Тамбовский Губисполком увеличил её до 200, а на месте получалось, что Совет сам решал для себя этот вопрос. В Черняновской волости норма представительства колебалась от 100 человек в Дубковском сельском Совете до 223 в Троицко-Вихляйском и Малиновском.

Другая особенность – количество лиц, лишённых избирательного права. Всего на перевыборных собраниях приняло участие 1249 человек, то есть 31% от общего количества населения старше 18 лет, при этом лишённых избирательных прав – 287 человек, что составляло 7,2%, почти в 3 раза выше среднего уровня по губернии. Среди «лишенцев» – 78% – «участники» или «пособники бандитизма». Как заявлял С. Евгенов, «большая точность учёта лиц, не имеющих избирательного права, в этом году обеспечила трудящимся губернии большую точность в осуществлении их избирательных прав по Конституции нашей рабоче-крестьянской Республики»²³.

Как осуществлялся такой учёт, можно только предположить. В качестве примера приведём Ново-Юрьевскую волость Козловского уезда. К моменту выборов в Ново-Юрьевский Совет местной избирательной комиссией был подготовлен список лиц, не имеющих избирательного права согласно Конституции и Инструкции по выборам. Такой список был составлен 22 октября 1923 года. В него тогда вошло 54 человека, лишённых в основном по трём пунктам статьи 65 Конституции: п. «г» – духовные служители церкви (шесть человек); п. «в» – торговцы (три человека); п. «д» – бывшие стражники местной полиции (18 человек), и, наконец, 26 человек – крестьяне (хлебопашцы), как до Февральской революции, так и к моменту выборов, но лишённые избирательного права по п. «ж», как лица, осуждённые за корыстные и порочащие преступления, на срок, установленный законом или приговором суда.

4 ноября 1923 года проходили выборы в указанный волостной Совет. В тот же день к основному списку в 54 человека был составлен дополнительный – в 50 человек! Причём все 50, по сведению избирательной комиссии, хлебопашцы, как на день выборов, так и до революции, лишены права голоса по п. «ж» ст. 65 Конституции.

Вывод напрашивается только один: в день выборов, когда собрались избиратели, местная ячейка, возможно предвидя результат голосования, просто устранила от него неугодных ей людей, тем самым обеспечила себе в составе Совета 13 мест (пять кандидатов от РКП(б)) из 33, остальные 20 членов Совета – беспартийные. По данным комиссии Совет был избран от количества населения 6973 человек, а на выборах участвовало лишь 172²⁴.

В целом по губернии от участия в сельских выборах было отстранено 30 565 человек, то есть 2,3% при общем количестве населения старше 18-летнего возраста – 1 340 962 человека.

В ходе предвыборной кампании везде проводились избирательные собрания, куда назначался докладчик и уполномоченный по перевыборам, часто местным партийным комитетом. Повестка дня включала в себя несколько вопросов, основной из них – отчёт Совета о проделанной работе за год. Нередко на сельских предвыборных избирательных собраниях можно было услышать здоровую критику местных властей: «Мы ходим на собрание не для того, чтобы только доклад послушать, но и с другой целью. Нам нужно заранее знать, кто у нас докладчиком будет, ... чтобы знать, с кого требовать. Одни могут пообещать и выполнить. А другой придёт, и доклад, может быть, хорошо сделает, и пообещает много, а своих обещаний не сможет выполнить»²⁵. Но власть, как правило, пресекала подобные волеизъявления граждан, допуская только те формы инициативы, которые выгодны были ей.

Участились случаи формального проведения самих выборов, когда кандидаты ставились на голосование партийными органами и естественно избирались. Хотя нельзя не отметить, как, например, «в Павловской, Спасской, Ново-Никольской волостях Козловского уезда директивы Укома не были выполнены. В эти волости были намечены кандидаты из других волостей, но население высказалось против избрания этих кандидатов, съезды были сорваны, и только после вторичной посылки более смелых уполномоченных, положение было исправлено»²⁶.

Всего в ходе проведения избирательной кампании в октябре – декабре 1923 года было переизбрано 1665 сельских Советов. Из 11 864 всех новоизбранных членов прошли 1158 членов РКП(б), что составляло 10% всего состава, здесь преобладали беспартий-

ные крестьяне-бедняки и середняки. Явка на выборы в сельские Советы составила 32% от общего количества избирателей, средний показатель по РСФСР за 1923 год составил 35,8%²⁷.

Первая советская Конституция 1918 года провозгласила всеобщее избирательное право. «Это было невиданное дотоле избирательное право – всеобщее избирательное право для трудящихся»²⁸. Всеобщность выборов, как таковая, исключалась за счёт устранения от участия в них «эксплуататорских», «нетрудовых» элементов. Вмешательство партийного аппарата в избирательный процесс осуществлялось повсеместно. Произвол местных ячеек всё больше нарастал, пока в октябре 1924 года партия не выдвинула лозунг оживления Советов, постановив, между прочим, в умаление своих собственных интересов, провести «свободные выборы». Однако ни Конституция СССР 1924 года, ни Конституция РСФСР 1925 года не внесли серьёзных изменений в избирательный процесс страны.

Примечания

¹Знаменский Б. Наши достижения в укреплении советского аппарата // Коммунист. – 1923. – № 11 (ноябрь). – С. 49 – 61.

²Декреты Советской власти. Т. IV (10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г.). – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – С. 112 – 119.

³ГАЛО (Государственный архив Липецкой области). – Ф. Р-1. – О. 1. – Д. 14. – Л. 2.

⁴Там же О. 1А. – Д. 5. – Л. 2.

⁵Там же О. 1. – Д. 14. – Л. 6.

⁶Там же Д. 74. – Л. 25.

⁷ГАТО. – Ф. Р-20. – О. 1. – Д. 75. – Л. 259, 262, 274, 285.

⁸Дьяконов П. Прошлое советского строительства в Тамбовской губернии. Красный Октябрь. Четвёртая годовщина. – Тамбов: Гостипография, 1921. – С. 18.

⁹Знаменский Б. Наши достижения в укреплении советского аппарата // Коммунист. – 1923. – № 11 (ноябрь). – С. 55.

¹⁰Вестник Тамбовского Губернского Отдела Управления. – 1919. – № 30–31 (27 сентября). – С. 425.

¹¹ГАТО. – Ф. Р-18. – О. 1. – Д. 20. – Л. 1, 3, 5, 7, 9.

¹²Там же. С. 61.

¹³ГАЛО. Ф. Р-1. – О. 1. – Д. 84. – Л. 2.

¹⁴Там же Д. 996. – Л. 111.

¹⁵Зоркин Т. Итоги перевыборов Советов в Тамбовской губернии // Коммунист. – 1923. – № 1. – С. 23.

¹⁶Арон А. Кто может выбирать? // Наша правда. – 1922. – № 21. – С. 2.

¹⁷ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). – Ф. 840. – Д. 1809. – Л. 87.

¹⁸Там же Л. 38 об.

¹⁹Силин А. К перевыборам Советов по губернии // Коммунист. – 1922. – № 6 (декабрь). – С. 36.

²⁰ГАСПИТО. – Ф. 840. – О. 1. – Д. 1880. – Л. 4.

²¹Евгенов С. Итоги перевыборов Советов в нашей губернии в 1923 году // Коммунист. – 1923. – № 12. – С. 50.

²²ГАТО. – Ф. Р-11. – О. 1. – Д. 122. – Л. 4, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 15. – Д. 161. – Л. 1, 2, 3, 4, 4 об., 5, 6, 7, 10.

²³Евгенов С. Итоги перевыборов Советов в нашей губернии в 1923 году // Коммунист. – 1923. – № 12. – С. 50.

²⁴ГАТО. – Ф. Р-18. – О. 1. – Д. 211. – Л. 2, 2 об., 3, 4.

²⁵Там же Д. 2690. – Л. 43.

²⁶Там же Д. 1999. – Л. 36.

²⁷ГАТО. – Ф. Р-1. – О. 1. – Д. 826. – Ч. 2. – Л. 663, 664. – Д. 827. – Л. 12, 14.

²⁸Ким А.И. Советское избирательное право (Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения). – М.: Юридическая литература, 1965. – С. 85.

4. ОБЩИНА И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТЬ

По мнению многих исследователей, крестьянская община не исчерпала своего исторического потенциала. В послереволюционное время она получила возможность эволюционировать в «социалистическом направлении». Община стала основой кооперации, как в сфере хозяйствования, так и в сферах быта и культуры, передав, таким образом, кооперации свои социокультурные принципы. Она легла в основу роста общественных форм хозяйствования в деревне. Колхозный строй впитал демократически-общинные механизмы, традиции мирской взаимопомощи, артельной спайки.

Интерес вызывает вопрос о взаимоотношениях крестьянской общины и советской власти в 1920-е годы, то есть в период, когда советский строй ещё формировался. Требования крестьян-общинников стремились к перераспределению земли. Общинные требования не препятствовали стратегическим целям большевиков – поиску общественных форм обработки земли. Общинная практика в условиях сохранявшегося мелкокрестьянского типа хозяйствования при наличии личной собственности на орудия труда, скот, не могла, по мнению В.И. Ленина, избавить крестьян от нищеты и классового расслоения.

Отношение новой власти к крестьянской общине было двойственным. Власть использовала некоторые элементы общины (например, круговую поруку) как фискальный инструмент. В то же время власть демонстрировала двойственное отношение к ней. Так, Положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» 1919 года все виды единоличного землепользования рассматривало как переходные и отживающие. Оно также ограничивало внутриобщинные переделы земли.

После передела земли в 1917–1918 годах основная масса земли перешла в общину, хотя и не было ясности, на какой срок, какие земли и в каком размере находятся в пользовании общины. Через каждый год проходили внутриобщинные переделы. Шёл процесс «обобщинивания» деревни.

Община, усилив социальную однородность, приобрела дополнительную устойчивость. Для власти, ориентированной на проведение классовой политики, это создавало серьёзные затруднения.

Крестьянство, поглощённое общиной, вело себя не так, как надеялся Ленин и ожидало правительство, подталкивавшее деревню по пути общественной обработки земли через кооперацию на основе передовой техники. Община плохо вписывалась в правительственную политику. Так, она нередко сдерживала переход своих членов к коллективным формам хозяйствования запретительными приговорами. Часто в крестьянской среде выражали непонимание по поводу смысла образования колхозов и совхозов. В этих случаях лишь вмешательство местной власти обеспечивало пожелавшим возможность выйти из общины. Кооперация, рассматривавшаяся властью в качестве переходной формы к обобществлению крестьянства, не стала таковой. При всей внешней схожести общинных начал и кооперативных, они оказались разноуровневыми явлениями. И самым главным расхождением стали их основополагающие принципы – добровольность в кооперации и принудительность в общине.

Попытки правительства, направленные на повышение производительности крестьянских хозяйств, сдерживались свойственными общине формами землепользования: принудительными севооборотами, переделами земли, чересполосицей, узкополосицей, дальнотемельем. Власть не видела в общине экономической единицы, способной наращивать экономическую эффективность и эволюционировать в социалистическую форму хозяйствования. Земельный кодекс 1922 года запретил перераспределение земель между селениями, стремился сократить частоту переделов внутри селений. Утверждалось, что частые земельные переделы неизбежно сопровождаются понижением производительности сельского хозяйства, препятствуют правильной и интенсивной обработке полей, их удобрению. Тем не менее, процесс переделов не прекращался.

К середине 1920-х годов власть стремилась индивидуализировать крестьянские хозяйства, устранить сдерживающее влияние общины. С 1925 года поощрялся выход из общины на хутора, отруба (землеустройство), практиковалась аренда.

Однако и указанные мероприятия не получили поддержки со стороны общины, опасавшейся чрезмерной дифференциации, угрожавшей её существованию. От проведения такого курса отказалось и правительство. Хутора в середине 1920-х годов не получили широкого развития. С 1927 года практика перехода на хутора была ограничена.

Крестьянство проявляло постоянный интерес лишь к проблеме увеличения земельных наделов и их уравнительному распределению. Вместе с тем, некоторые крестьянские общества делали попытки, и небезуспешные, модернизировать свои хозяйства, заводя сельскохозяйственную технику.

Сложными были отношения общины с сельскими советами. Сельские общества, неплохо материально обеспеченные, составляли конкуренцию сельсоветам, которые, хотя и рассматривались крестьянами как вариант традиционной общины, не добивали в их глазах авторитета в силу их подконтрольности коммунистам, руководствовавшимся в своей деятельности идеологическими схемами, а не экономическими и политическими интересами крестьянства.

Таким образом, общинное крестьянство, получив после революции землю и улучшив к середине 1920-х годов материальное положение, стремилось сохранить свою социокультурную целостность, выстоять в стремительно менявшихся социально-экономических и политических условиях. Община через переделы и другие элементы уравнительности искала некапиталистический путь развития, что роднило её с советским коллективизмом и общей идеологической направленностью советской власти. Однако с точки зрения большевизма, крестьянство, ведущее на общей земле индивидуальные хозяйства, в целом представляло собой чуждую мелкобуржуазную среду.

Руководство страны вполне осознавало своеобразие ситуации, сложившейся в аграрном секторе советской экономики в конце 1920-х годов. Отмечалось, что, если на Западе развитие сельского хозяйства шло в обстановке глубокой естественной дифференциации крестьянства, то в России при наличии советской власти и национализации основных орудий производства процесс не может пойти по этому пути. В деревне шло социальное нивелирование

крестьянства. И политика правительства, и общинная практика вели к этому. В связи с этим всё более актуальной становилась проблема встраивания общинного крестьянства в политику коллективизации, провозглашённую в 1927 году.

Община, конечно, была структурой архаичной и в техническом отношении, и с точки зрения применяемых ею методов поравнения земельных наделов. Например, переделов земли, породивших чересполосицу, принудительный севооборот, что давало основания исследователям предсказывать её неизбежную смерть в ходе экономической модернизации, говорить о её неспособности вписаться в индустриальную цивилизацию. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что община неизменно демонстрировала удивительную жизнеспособность, как это было, например, в период столыпинской аграрной реформы.

Советская власть стремилась к полной ликвидации дореволюционного устройства деревни, когда земельная община («мир») являлась одновременно и сельским обществом – первичной административной и хозяйственной единицей. Образование сельсоветов и передача им ряда функций общины внесли существенные коррективы в структуру сельского управления. Однако авторитет традиционного органа общинного самоуправления – схода – оставался в деревне по-прежнему высоким.

Несмотря на то, что Земельный кодекс 1922 года ограничил компетенцию земельного схода вопросами землепользования, его реальная деятельность была гораздо шире, охватывая многие стороны общественного хозяйства послереволюционной деревни.

Данный вывод подтверждают результаты обследования низового советского аппарата, проведённого осенью 1925 года работниками губернской рабоче-крестьянской инспекции. В их отчёте по Мордовской волости Тамбовского уезда говорилось: «различий между земельным обществом и сельсходом в Мордове нет. Вопросы земельные и общие разрешаются на одном и том же собрании». В Хорошавском сельсовете Красивской волости Кирсановского уезда в 1925 году на 49 сходах были рассмотрены следующие наиболее важные вопросы: по сельскому хозяйству – 16, по комитетам крестьянской общественной взаимопомощи – 4, по созданию обще-

ственных организаций – 6, по советскому строительству – 6, по борьбе с голодом – 2, по народному образованию – 2¹.

В первые послереволюционные годы община нередко выступала в качестве административного органа. Это выражалось в вынесении сходом постановлений о наложении штрафов, в ходатайствах перед властями о привлечении крестьян к уголовной или административной ответственности и т.д. Например, сход граждан с. Беломестная Двойня Тамбовского уезда, состоявшийся 7 апреля 1922 года, установил для крестьян, пропускавших общие собрания, следующее наказание: «за неявку в первый – три дня общественных работ, во второй – пять дней, в третий – 1 миллион рублей в пользу голодающих; для имевших лошадей вспахать пять сажень неимущим». В деревне Полковая Слобода Горельской волости сход решил «энергично и беспощадно бороться с кражами и развитием карточной игры, а преступников, уличённых в краже скота и сельскохозяйственного имущества, выселять в отдалённые губернии»².

Черты административной организации сохранились у общины и в последующие годы. Так, в 1925 году по инициативе крестьянских обществ в ряде селений Липецкого уезда для обеспечения порядка в ночное время были введены ночные дежурства, в результате чего заметно сократилось количество пожаров, случаев хулиганства и преступлений³. Нередко сходы выносили решения о выселении граждан, замеченных в воровстве и хулиганстве, из своих деревень⁴.

По свидетельству инструктора губисполкома А.А. Колмыкова, проводившего в 1924 году обследование результатов работы советских органов власти Рассказовской волости Тамбовского уезда, «...сельский совет, как административный орган в селах почти отсутствовал, и большинство вопросов разрешалось на собраниях граждан». Ненормальность такого положения, когда решения сельсовета выносились на утверждение схода, неоднократно отмечалось в официальных документах губернских органов власти⁵.

В изучаемый период община участвовала в осуществлении налоговой политики власти, являясь важным «неофициальным» звеном фискальной системы советского государства. Эта сторона деятельности общины отмечалась многими исследователями советской деревни. К примеру, М.Я. Феноменов писал: «Сельский Совет

имеет право вести все текущие дела управления собственной властью, не созывая схода. Однако председатель и члены совета вовсе не склонны брать на себя ответственность за такие решения, как раскладка налогов, наряд подвод и распределение других повинностей. Они действуют по «старинке», то есть созывают сход, и здесь с согласия односельчан постановляют то или иное решение. Авторитет схода настолько прочен, что и все должностные лица, приезжающие из волости по фискальным делам, неизменно обращаются со своими заявлениями и предложениями к сходу, а не к сельсовету»⁶.

Фискальная деятельность общины наиболее ярко проявилась в период «военного коммунизма», в ходе проведения продразвёрстки. Советская власть широко использовала традиционные черты общины: общинный развёрсточный механизм, коллективную ответственность за выполнение налоговых обязательств и др. Так, 1 октября 1920 года Тамбовский губисполком издал приказ, возлагавший на сельские общества круговую поруку при сборе налогов. В нём, в частности, говорилось: «Отвечает за исполнение развёрстки каждый обложенный домохозяин в отдельности и всё общество в целом»⁷. Круговая порука сельских обществ была отменена лишь 15 марта 1921 года декретом ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом»⁸.

Порой община вносила коррективы в налоговую политику советского государства. Руководствуясь традициями уравнительности, сельские сходы нередко отвергали классовые принципы налогового обложения деревни, осуществляя продразвёрстку и иные сборы на основе подушной раскладки⁹.

Приведённые факты свидетельствуют, что, невзирая на принятие советской властью законов, разделяющих вопросы административно-хозяйственного и земельного управления, крестьянский сход Тамбовской губернии по-прежнему разрешал широкий круг проблем жизни деревни, напоминая общинный сход дореволюционного времени.

Община оказывала существенное влияние на становление в деревне советской формы самоуправления. Между общиной и советами установились тесные контакты. Особенно активно они взаимодействовали в области сельского бюджета.

Хотя сельские Советы имели приходно-расходные сметы, включавшиеся в состав уездного бюджета, у государства не хватало средств для обеспечения их нормальной работы. В Тамбовском уезде, например, в 1922 году на содержание сельских Советов была выделена сумма, составляющая лишь 1% их минимальных затрат. Причём отдельные стороны деятельности сельского административного аппарата (командировочные расходы, наём и содержание помещений и др.) практически не финансировались. Не менее тяжёлым было положение культурно-образовательных учреждений села, находившихся на государственном бюджете. По данным на 1922 год, школы I ступени обеспечивались всего на 26,7%, на избы-читальни и народные дома вообще не отпускалось средств¹⁰.

Отсутствие достаточной финансовой основы для осуществления задач сельского совета ставило его в материальную зависимость от общины. Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении бюджеты земельных обществ Тамбовской губернии, община расходовала значительные денежные средства на благоустройство села (постройка и ремонт мостов, содержание пожарного обоза и др.), культурные нужды (поддержка школ, больниц, изб-читален), содержание сельской советской администрации (аренда и ремонт административных зданий, канцелярские и транспортные расходы и др.).

Материальная база деятельности общины создавалась, главным образом, за счёт двух видов источников: самообложения и сдачи в аренду общественных угодий (земли, лугов, садов и пр.). Самообложение (известное в дореволюционной деревне под названием «мирские» сборы) имело чрезвычайно важное значение для организации нормального функционирования общественного хозяйства деревни в 1920-е годы. Материальная зависимость советов от общины была характерна для послереволюционной тамбовской деревни. Вплоть до середины 1920-х годов сотрудники низового советского аппарата не получали регулярной зарплаты и жили, главным образом, за счёт самообложения населения. Отсутствие у сельсовета необходимых материальных средств приводило к тому, что для разрешения многих вопросов он был вынужден обращаться к сходу. В результате на сходах происходило обсуждение проблем, рассмотрение которых входило в компетенцию сельских органов власти.

О высокой активности схода в общественной жизни деревни свидетельствуют материалы обследования работы Советов Чурюковской волости Козловского уезда, произведённого в декабре 1925 года. За февраль – декабрь 1925 года здесь состоялось 247 общих собраний граждан и 56 заседаний сельсоветов. Тематику обсуждаемых на них вопросов можно проследить на основе данных по Заворонежскому сельскому совету. На восьми его заседаниях было разрешено 56 вопросов: организационных – 8, по сельскому хозяйству – 17, рассмотрение распоряжений вышестоящих органов – 12, различных докладов – 6, по благоустройству – 13. Сходы собирались за тот же период 23 раза и разрешили 112 вопросов, в том числе: организационных – 2, по благоустройству и другим хозяйственным нуждам – 20, земельных – 26, рассмотрение объявлений и распоряжений власти – 42, отчётных докладов сельсовета – 4¹¹. Таким образом, количество прошедших по волости сходов более чем в 4 раза превышало число заседаний сельсоветов. Причём круг обсуждаемых общим собранием граждан вопросов включал в себя все стороны жизни крестьянского общества.

Качественной подмене сельского совета сходом способствовало также и то обстоятельство, что сход являлся самым представительным органом в деревне. Количество крестьян, принимавших участие в работе схода, превышало численность присутствовавших на заседаниях сельских советов.

С середины 1920-х годов государство начинает проводить активную политику в области советского строительства в деревне. Главный упор был сделан на углубление советской демократии: оживление деятельности низовых советов, расширение их социальной базы, улучшение бюджетного состояния, привлечение к советской работе крестьянского актива и т.д.

16 октября 1924 года ВЦИК принял «Положение о сельских советах», которое заметно расширило их полномочия в области управления, финансов, земельного дела, благоустройства, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения. Сельсовет должен был стать центром общественной жизни деревни, вокруг которого объединялись бы все действующие на его территории государственные учреждения, а также деревенская общественность (кресткомы, кооперация, профсоюзы и пр.). В «Положении» отме-

чалась также необходимость передачи сельсоветам права руководства деятельностью сельского схода и превращения его в орган советского самоуправления, призванный осуществлять задачу «вовлечения всего трудящегося населения в дело строительства местной жизни». Интересно отметить, что координация деятельности сельсовета и сельсхода расценивалась как один из решающих факторов в процессе замены мирского уклада советским правопорядком в деревне¹².

Вопрос о разделении компетенций земельного и сельского сходов и передаче руководства последним сельсоветам в середине 1920-х годов неоднократно обсуждался на заседаниях советских и партийных органов Тамбовской губернии. В результате 17 мая 1926 года Тамбовский губисполком утвердил «Временное положение о сходах (общих собраниях граждан в сельских местностях)», детально определявшее порядок работы сельских сходов, их взаимоотношения с сельсоветами и общими собраниями членов земельных обществ¹³.

В соответствии с «Положением» сельские сходы должны были созываться сельсоветом не реже одного раза в месяц. Присутствовать на собрании имели право все граждане, проживающие на территории села и пользующиеся избирательными правами. На обсуждение сельсходов предполагалось выдвигать вопросы, касающиеся различных сторон жизни села:

а) благоустройства (постройки и исправления мостов, гатей, дорог, приобретения и поддержания в порядке пожарного инвентаря, ремонта общественных и советских зданий);

б) социально-культурной работы (организации комитетов взаимопомощи, потребительских обществ, ячеек Авиахима, создания изб-читален, снабжения школ учебниками и канцелярскими принадлежностями, обеспечения топливом лечебных заведений и т.п.);

в) сельского хозяйства (охраны посевов от потрав и вредителей, организации семенных фондов, прокатных, случных и зерноочистительных пунктов, найма пастухов, ночных сторожей, объездчиков полей и лугов и пр.).

Сельские сходы имели также право рассматривать и все иные вопросы, касающиеся улучшения жизни данного селения, за ис-

ключением тех, которые разрешались земельными обществами в порядке соответствующих статей Земельного кодекса РСФСР.

Сельские советы должны были тщательным образом следить за разграничением функций сельских сходов и земельных обществ. Им поручалось прорабатывать повестки для сходов и общих собраний земобществ и не допускать к обсуждению вопросы, не входящие в их компетенцию.

Таким образом, на сельсовет возлагалось общее руководство сходом. Вместе с тем, в «Положении» указывалось на необходимость чёткого разграничения прав и обязанностей общего собрания (схода) и сельсовета и на недопустимость замены одного другим.

Материалы деятельности низовых советов в период после издания «Временного положения о сходах» свидетельствуют, что на практике разграничения функций сельского и земельного сходов добиться не удалось. Подобное заключение было сделано на III губернском совещании по советскому строительству, проходившем в Тамбове с 1 по 4 сентября 1926 года. В одном из сделанных на нём докладов сообщалось: «До сих пор ... сходы решают вопросы сельсоветов, путаются с земельными обществами, выносят незаконные решения, которые не отменяются и т.д. Новое положение о сходах нужно практически применить в жизнь и проследить за этим делом»¹⁴.

Интересные сведения о взаимодействии сельских сходов и земельных обществ имеются в нашем распоряжении по Борисоглебскому уезду. В отчёте инструктора губисполкома, датированном 16 ноября 1926 года, говорилось, что в Ростошинской волости «функции сельсходов с земсходами ... переплетаются. Из одного протокола схода нельзя видеть, что это – протокол сельсхода или земсхода, ибо в каждом из них можно встретить вопросы благоустройства, скидок-накидок земли и пр. Причина заключается в том, что не только сход, но даже и сельские советы ещё не усвоили существующего о земобществах законодательства ..., а также временно изданного ГИК(ом) положения о сходах»¹⁵.

Такое же положение дел наблюдалось и в Мучкапской волости. Сельский сход здесь наряду с общими вопросами жизни деревни (состояния дорог, борьбе с эпидемиями, противопожарных мероприятий и т.д.) рассматривал и земельные вопросы (о выборе

земельных уполномоченных, землеустройстве, сдаче в аренду общественной земли и пр.). Все решения заносились в единый протокол – «Протокол общего собрания граждан общества села...»¹⁶.

«Временное положение о сходах» от 17 мая 1926 года предоставило сельсоветам возможность руководить сельскими сходами и осуществлять контроль за работой земельных сходов. Однако на практике это происходило далеко не всегда. Из Кирсановского уезда, например, сообщалось: «В большинстве случаев наши сельсоветы плохо готовятся к крестьянским сходкам, благодаря чему на сходках руководство попадает в руки какой-нибудь кучки крестьян, подготовившихся к собранию. В первом Калачинском обществе Кирсаново-Пригородной волости сельский совет ... зачастую даже не рассматривает повестки дня и протоколы общих собраний крестьян... В вопросах, которые обсуждает сходка, сельсовет никакого участия не принимает. Такое безразличное отношение к работе сходок наблюдается во многих сельсоветах Кирсановского уезда»¹⁷.

Можно констатировать, что до 1927 года руководство сходом со стороны сельсовета было минимальным, ограничиваясь разрешением на созыв схода и формальным просмотром принятых им постановлений. Вместе с тем с изданием Тамбовским губисполкомом «Временного положения о сходах» 17 мая 1926 года в ряде сёл и волостей губернии активность сельских Советов по руководству сходами возрастала. Они всё чаще выступали инициаторами их созыва, вносили предложения по повестке дня, стремились руководить ходом общих собраний и тщательно прорабатывать их постановления¹⁸.

Важным аспектом государственной политики по укреплению авторитета и расширению социальной базы сельсоветов явилось привлечение общинного крестьянства к участию в советских пере-выборных компаниях. До середины 1920-х годов избирательная активность крестьян была достаточно низка. В среднем по губернии на выборы являлось не более 20 – 23% сельского населения¹⁹.

Слабое участие крестьян в избирательных кампаниях вызывало беспокойство советской власти. Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание сложность стоявших перед сельскими советами задач, пленум Тамбовского губкома РКП(б) (январь

1925 г.) призвал партийные и советские органы «перестроить работу Советов так, чтобы они стали центром общественной работы, чтобы ... рабоче-крестьянская масса ... считала работу Советов своей работой и ... смотрела на Советы не только как на органы управления, но и самоуправления трудящихся». В качестве первоочередной меры по оживлению деятельности советов январский пленум губкома РКП(б) постановил провести в губернии досрочные перевыборы низовых советов с широким участием в них крестьянского населения²⁰.

В сравнении с предыдущими избирательными кампаниями выборы 1925 года проводились более демократично. Сократилось число лишённых избирательных прав, частично были изжиты методы грубого администрирования в работе сельсоветов, ослаблено партийное вмешательство в ход избирательных собраний, всё большее внимание стало уделяться вовлечению в советы беспартийного актива деревни²¹.

Увеличению числа участвовавших в выборах была призвана способствовать и сама техника их проведения: использование повесток, разделение больших сёл на несколько избирательных участков и др. В Шехманской волости Козловского уезда, например, предвыборные и выборные собрания проводились в каждом отдельном селе по сотням. Кроме того, проводились отдельные собрания с молодёжью и женщинами с целью привлечения их на выборы²².

Принимая во внимание реальные достижения власти в постановке советской работы в деревне, нельзя не учитывать, что расширение сферы деятельности советов как органов самоуправления крестьянства происходило в изучаемый период довольно медленными темпами. Во многом это объяснялось тем обстоятельством, что сельсоветы были перегружены массой текущих дел государственного управления (проведением всевозможных хозяйственно-политических кампаний, собиранием различных статистических сведений и т.д.), отнимавших у их работников значительную часть времени и сил. Перечисленные факторы препятствовали быстрой перестройке деятельности сельсоветов на основе нового «Положения о сельсоветах» 1924 года и охвату ими всех сторон экономической и социально-культурной жизни своих селений²³.

В рассматриваемый период был предпринят целый ряд мер по укреплению материальной базы и самостоятельности низовых Советов. В 1924 году волостные исполкомы, субсидируемые уездными Советами, были переведены на самостоятельный бюджет и получили право распоряжаться всем имуществом волости. В целях укрупнения волостного хозяйства и уменьшения расходов на содержание советского аппарата, число волысполкомов в губернии было сокращено с 264 до 92, а число сельсоветов уменьшилось с 1634 до 700²⁴.

Укрупнение низовых советов должно было создать из волостей сильные административно-хозяйственные и культурно-просветительские центры и обеспечить необходимую основу для дальнейшего расширения прав местных советов. В расходную часть волостных бюджетов были переданы все учреждения местного значения, находящиеся на территории волости: школы, медицинские и агрономические пункты и т.д.

Мероприятия по укреплению влияния волысполкомов на селе имели под собой прочную экономическую основу. В волостной бюджет были переданы единый сельскохозяйственный налог в сумме 1270 тысяч рублей, доходы от земельных и садовых участков и др. Роль волостных бюджетов в хозяйственной жизни губернии непрерывно возрастала. В 1924–1925 годах волбюджеты составляли 1,7 миллиона рублей, а в 1925–1926 годах – уже 4 миллиона рублей²⁵

Создание волостных бюджетов положительно сказалось на социально-культурном развитии деревни. В 1925–1926 годах за их счёт в Тамбовской губернии было открыто 380 школ 1 ступени, 22 школы 2 ступени, 48 школ для переростков, 2 техникума, 31 школа-передвижка, 92 библиотеки, 251 пункт ликвидации неграмотности. Всего на открытие образовательных учреждений было затрачено более 1,1 миллиона рублей, 353 тысячи рублей было израсходовано на расширение сети здравоохранительных учреждений. За указанный период возникло 29 новых больниц, 12 детских яслей, множество врачебных и фельдшерских пунктов. Кроме того, было образовано 17 агрономических и 17 ветеринарных участков²⁶.

Введение волостных бюджетов улучшило материальное положение сельских советов. Заработная плата председателя сельсовета

возросла с 18 до 23 рублей, секретаря – с 18 до 20 рублей, уполномоченного – с 8 до 10 рублей в месяц. Каждый сельский совет получал по 150 рублей в год на удовлетворение своих транспортных нужд (содержание сельской ставки)²⁷.

Вместе с тем мероприятия по укреплению самостоятельности и материальной базы местных советов имели не только позитивные результаты. Довольно скоро обнаружилось, что укрупнение низовых советов отдалило их от крестьянского населения, став существенным препятствием для осуществления государственной политики, направленной на оживление деятельности советов. Уже в 1925 году в Тамбовской губернии был составлен проект разукрупнения сельских советов, по которому в каждом населённом пункте с числом жителей не менее 300 человек мог иметься свой сельсовет²⁸. Несмотря на увеличение числа школ, больниц и агрономических участков, расходы волостного и уездного бюджетов отставали от растущих социальных потребностей деревни. В 1924–1925 годах в среднем по губернии культурные и экономические запросы села удовлетворились лишь на 50%. Особенно неблагоприятное положение наблюдалось в сфере народного образования. В 1924–1925 годах в Тамбовской губернии школы обеспечивали обучение только 33,5% детей школьного возраста²⁹.

Роль крестьянской самодеятельности была велика даже в тех сёлах, в которых сельсоветы имели самостоятельные бюджеты. Доля таких сельсоветов в Тамбовской губернии составляла 2,9%³⁰. Основная часть сельбюджетов поступала на содержание административного аппарата и культурно-просветительских учреждений.

Необходимо отметить, что в сравнении с другими губерниями, состояние сельбюджетов в Тамбовской губернии было особенно тяжёлым. Если в Орловской губернии на один сельский бюджет в 1927–1928 годах в среднем приходилось 2,3 тысячи рублей, в Ярославской – 8,5 тысяч рублей, в Нижегородской – 8 тысяч рублей, в Тульской – 16,6 тысяч рублей, то в Тамбовской – лишь 1,1 тысяча рублей³¹. Поэтому, несмотря на существование у сельских советов самостоятельных бюджетов, они не могли обойтись в своей деятельности без широкого привлечения материальных средств земельных обществ.

Одним из направлений государственной политики по оживлению советов стала организация при волисполкомах и сельсоветах секций, призванных осуществлять предварительное рассмотрение вопросов, входящих в круг ведения местных советов. По «Положению о постоянных секциях при сельсовете», разработанному Тамбовским губернским совещанием по советскому строительству (21–22 мая 1925 года), при сельсоветах образовывались следующие секции:

1) сельскохозяйственная, основные функции которой заключались в содействии организации случайных, прокатных, агрономических и ветеринарных пунктов, улучшению способов ведения сельского хозяйства, проведению землеустроительных работ и пр.;

2) местного хозяйства и благоустройства, обсуждавшая вопросы строительства и ремонта дорог, мостов, гатей, проведения противопожарных мероприятий и пр.;

3) культурно-просветительная, занимавшаяся материальным обеспечением школ, изб-читален, организацией больниц, амбулаторий и их хозяйственным обслуживанием. По решению сельсоветов могли создаваться и другие секции³².

Состав секций формировался из членов сельсовета, желавших участвовать в их работе крестьян, а также представителей деревенской интеллигенции и общественных организаций (кресткомов, кооперации и т.д.). Общее руководство секциями осуществлял сельский совет³³.

Как видим, секции представляли собой советскую организацию, создававшуюся на широкой общественной основе и призванную обсуждать и разрешать главные вопросы жизнедеятельности сельского общества. Можно утверждать, что секционная работа стала основным методом вовлечения общинного крестьянства в дело советского строительства, и тем самым оказала существенное влияние на многие стороны эволюции крестьянского «мира» в послереволюционной деревне.

К осени 1926 года секции были созданы при всех волостных и сельских советах Тамбовской губернии. Однако их деятельность разворачивалась чрезвычайно медленно. По свидетельству сотрудников Тамбовского губисполкома, большинство секций существовало формально и совершенно не занималось разрешением насущных проблем жизни села³⁴.

Губернские партийные и советские власти усматривали причину слабой работы секций в недостаточном внимании к ним местных советов, отсутствии у секций материальной базы для реализации своих решений, а также в «несознательности» крестьян, не понимавших, по мнению властей, важности своего участия в секциях³⁵. Соглашаясь с тем, что эти факторы определённым образом воздействовали на развитие секций, считаем необходимым подчеркнуть, что основная причина слабости их работы заключалась в наличии на селе авторитетного органа самоуправления – схода, традиционно рассматривавшегося крестьянами как место, где разрешаются наиболее важные вопросы деревенской жизни.

Начиная с 1927 года, деятельность секций заметно активизировалась. Общее число секций за год возросло почти на 15%, улучшилась их организационная деятельность. Наиболее деятельными были, как правило, сельскохозяйственные и культурно-просветительные секции.

Деятельность секций способствовала вовлечению крестьян в советскую общественную работу, укрепляя тем самым авторитет местного совета как органа сельского самоуправления. Период наивысшей активности секций пришёлся на конец 1920-х годов. Однако отсутствие у них необходимой материальной основы для реализации своих задач, а также приверженность крестьян традиционному порядку разрешения проблем жизни села, значительно ограничивали сферу деятельности секций, обеспечивая прочность позиций в деревне общинных институтов самоуправления.

Новый этап советского строительства в деревне начался с повышения роли сельского схода как органа советского самоуправления. Как отмечалось выше, рассмотрение на объединённом (земельном и сельском) сходе широкого спектра вопросов приводило к умалению значимости и авторитета сельского совета. Такое положение дел вызывало беспокойство советских и партийных органов. Часто раздавались призывы о необходимости покончить с «двоевластием» на селе. На XV съезде ВКП(б), в частности, предлагалось законодательным порядком установить такие отношения между земельными обществами и сельсоветами, чтобы последние являлись действительными хозяевами деревни³⁶.

После ряда попыток разграничить компетенцию сельских и земельных сходов в отдельных губерниях, ВЦИК и СНК издали 14 марта 1927 года «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях». В нём определялся круг вопросов, подлежащих рассмотрению общих собраний (сельских сходов) и собраний членов земельного общества. По закону полномочия сельского схода состояли в обсуждении вопросов улучшения жизни данной деревни (благоустройство, образование, взаимопомощь и др.), а также общих проблем государственного и местного (губернского, уездного) значения. Сфера деятельности земельного схода ограничивалась вопросами землепользования³⁷.

«Положение об общих собраниях (сходах) граждан» предоставляло советам широкие права по руководству сельскими сходами. Они обсуждали повестку дня сходов, назначали докладчиков, разрабатывали проекты решений, определяли время и место общих собраний. Кроме того, на сельские советы возлагалась обязанность рассматривать протоколы сходов и проводить в жизнь принятые ими постановления³⁸.

Изменения были внесены и в социальный состав сельского схода. В «Положении» указывалось: «на общих собраниях (сходах) граждан могут присутствовать лишь те граждане и гражданки, которые пользуются на основе Конституции РСФСР избирательными правами»³⁹. Тем самым часть зажиточных крестьян, принимавшая ранее активное участие в деятельности сходов, но отнесённая к категории «кулаков», была отстранена от участия в их работе.

Однако в Тамбовской губернии так и не удалось разграничить функции земельных и сельских сходов. Выборочный анализ протоколов общих собраний земельных обществ Сосновской волости Моршанского уезда за вторую половину 1927 года позволяет отнести обсуждавшиеся на них проблемы к следующим группам:

1) в области культурно-просветительной работы земельные общества занимались ликвидацией неграмотности, открытием избитален, постройкой и ремонтом школ, народных домов и др.;

2) в области благоустройства и местного хозяйства они осуществляли ремонт дорог, установку вех, укрепление оврагов, устройство прудов, чистку и охрану лесов, проведение противопожарных мероприятий и т.д.;

3) в области социального обеспечения они проводили выдачу пособий нуждающимся однообщественникам, выборы сельского комитета общественной взаимопомощи и др.;

4) в области землепользования производили коренные и частичные переделы, наделение усадьбами, охрану общественных полей и лугов⁴⁰.

«Положение» 14 марта 1927 года не было реализовано и в других уездах губернии. В отчёте Борисоглебского уездного исполнительного комитета за первое полугодие 1927–1928 годов отмечалось, что «общие собрания граждан зачастую разрешают вопросы, подлежащие ведению земельных обществ, вследствие чего происходит подмена сходов земельными обществами». В тот же период в Козловском уезде «при обследовании вик(ов) и сельсоветов инструкторами УИК установлены случаи массового характера – неразграничение общих собраний от земельных обществ и созыв собраний без планов и соответствующей предварительной подготовки к их проведению (без обсуждения вопросов среди актива в сельсовете и секциях)»⁴¹.

Благодаря смешению сельского и земельного сходов крестьяне, лишённые политических (избирательных) прав, беспрепятственно участвовали в работе сходов и занимали даже ответственные должности в органах общинного самоуправления.

По «Положению» 14 марта 1927 года сельским сходам, действовавшим под руководством советов, были предоставлены широкие права в хозяйственной и социальной сферах жизни села. Это способствовало увеличению численности проведённых сходов, а также количества обсужденных на них вопросов. Так, в первом полугодии 1927–1928 годов, в сравнении с предыдущим полугодием, число состоявшихся в Тамбовской губернии сходов увеличилось на 50%⁴². Причём сходы собирались чаще, чем предусматривалось «Положением».

Надо отметить, что в отдельных сферах сельской жизни общие собрания по-прежнему подменяли собой сельские советы. Например, в Липецком уезде с 1 октября 1926 года по 1 октября 1927 года состоялось 1328 заседаний сельсоветов, рассмотревших 5071 вопрос. За тот же период сходы собирались 5949 раз и вынесли свои постановления по 15 132 вопросам⁴³. Кроме того, наибольшая часть

обсуждённых на заседаниях сельсоветов вопросов касалась проведения различных хозяйственно-политических кампаний: по хлебозаготовкам, распространению займов, сбору налогов, борьбе с самонокурением, кооперированию населения, осуществлению весенних посевных кампаний. Рассмотрение вопросов развития сельского хозяйства и благоустройства продолжало оставаться прерогативой сходов⁴⁴.

Повышению роли сельских советов в хозяйственной и социально-культурной жизни деревни способствовало расширение их прав. Так, 23 июля 1927 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления». В области административных дел сельсоветы получили права регистрации браков, организации опеки, оформления доверенностей, договоров о купле-продаже, дарении и т.д. В сфере просвещения и здравоохранения в ведение сельсоветов, обладавших самостоятельным бюджетом, могли передаваться образовательные и медицинские учреждения местного значения. Кроме того, сельсоветы получили право оформлять акты по разделам дворов, договоры на сдачу в аренду земли сроком на один севооборот, продажу построек и пр.⁴⁵

Сельским советам передавались также традиционные финансовые права крестьянской общины: продажа и аренда общественных построек и угодий, самообложение, сдача в аренду торговых точек, мельниц и т.д. Земельные общества обладали в тот период весьма значительными средствами. В 1926–1927 годах земельные общества РСФСР получили доход в размере 70 – 100 миллионов рублей. В то же время лишь 3,2% сельсоветов РСФС находились на самостоятельном бюджете, сумма которого равнялась 15,6 миллионов рублей.⁴⁶

Укрепление финансовой базы сельских советов осуществлялось несколькими путями. Одним из них стало создание самостоятельных сельских бюджетов, рассматривавшихся властями как важнейшее условие повышения роли советов в деревенской жизни. Бюджеты сельсоветов в Тамбовской губернии стали вводиться с 1925–1926 годов. Поначалу они создавались в виде опыта в наиболее экономически мощных населённых пунктах. По решению губисполкома в каждом уезде было образовано по четыре сельских

бюджета с отнесением на них доходов и расходов сельского значения. Всего по губернии было создано 20 сельских бюджетов⁴⁷. Однако в течение первых трёх лет дело организации бюджетов сельсоветов практически не двигалось с места.

Работа по укреплению сельских бюджетов в Тамбовской губернии оживилась с 1928 года. С этого времени количество сельсоветов с самостоятельным бюджетом увеличилось в 11 раз. Если в 1927–1928 годах они составляли 1,5% от всего числа сельсоветов, то теперь их доля выросла до 17%⁴⁸.

Создание сельбюджетов должно было привести к ликвидации мирского уклада и превращению сельсовета в единый хозяйственно-административный центр в деревне. Однако долгое время сельские бюджеты строились без учёта доходных источников земельных обществ, хотя и признавалось, что без объединения материально-финансовых ресурсов села в едином бюджете, введение сельбюджетов теряло свой смысл. В этой связи вопрос об использовании средств крестьянского самообложения, которые вплоть до конца 1920-х годов находились в полном распоряжении земельных обществ, приобрёл особое значение.

Экономическая деятельность сельских советов заметно активизировалась с принятием 24 августа 1927 года ЦИК и СНК РСФСР закона о самообложении сельского населения. Решение о введении самообложения принималось сельским сходом. Размер самообложения устанавливался в пределах 35% от общей суммы сельхозналога, ежегодно собиравшегося с отдельного села. В самообложении должны были принимать участие все проживавшие в селе граждане. По решению схода от самообложения могли быть освобождены только малоимущие крестьянские хозяйства и граждане, состоявшие на государственной службе и не ведущие самостоятельного хозяйства. Советы имели широкие права по сбору, хранению, учёту и использованию средств и материалов, поступавших в порядке самообложения. В их полномочия входило также применение административных мер по отношению к лицам, не выполнявшим решений схода о самообложении.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 7 января 1928 года самообложение допускалось на следующие нужды: содержание культурно-просветительных и медицинских заведений,

учреждений социального обеспечения. Средства самообложения могли также направляться на дорожное строительство, благоустройство села. Размер вноса каждого хозяйства зависел от степени его хозяйственной состоятельности. Не платившая сельхозналог беднота, как правило, освобождалась и от самообложения. Тем самым нарушался один из традиционных принципов крестьянской общины – уравнительность в проведении самообложения.

Местные власти стремились к эффективному использованию средств самообложения. Уездные исполкомы должны были наблюдать, чтобы полученные в порядке самообложения средства направлялись на определённые сельскими сходами цели – оказывать помощь в обеспечении производимых на собранные средства работ необходимым материалом и инструментом. Сельсоветы и волисполкомы обязаны были представлять сельским сходам подробные отчёты о ходе проведения самообложения и результатах его использования⁴⁹.

Принудительность проводившихся ранее самообложений обеспечивалась общинными традициями и не зависела от государственного регулирования. В отличие от прежней практики установление и сбор самообложения в 1928 году осуществлялись органами государственной власти. Проводившееся в самый разгар кризиса хлебазаготовок самообложение использовалось как средство изъятия у крестьян «лишних» денег и имело цель стимулировать продажу зерна государству. Самообложение 1928 года, вместе с рядом других хозяйственно-политических кампаний, проводившихся одновременно, привело к значительному росту социальной напряжённости в деревне и осложнению взаимоотношений между общиной и советской властью.

Общинное крестьянство не проявляло активности в сборе самообложения, увидев в нём очередной государственный налог. Инициатива его проведения принадлежала, как правило, работникам волисполкомов и сельсоветов, а также специальным уполномоченным губернских и уездных властей, являвшихся в деревню для организации этой кампании. Несмотря на жёсткий нажим со стороны уполномоченных, сходы, считавшие классовый принцип обложения неприемлемым, нередко проваливали предложения о введении самообложения. Так, в Ярославской волости 12 из 33 се-

лений от самообложения отказались, в Тюковской волости первоначально самообложение отклонили четыре из семи сел, одно село полностью приняло размер самообложения и два – частично⁵⁰.

Отказы от введения самообложения наблюдались во всех уездах. Моршанский уком ВКП(б) в сводке о настроении крестьянства сообщал о проведении повторных собраний в 63 сёлах, первоначально отказавшихся от участия в самообложении. В Липецком уезде отмечались случаи, когда против самообложения выступал сам советский актив, «в результате чего, собрания по самообложению приходилось проводить повторные, иногда до четырёх раз»⁵¹.

Большинство положительных решений сходов о самообложении принималось под жёстким нажимом уполномоченных, руководивших ходом собраний. Отсутствие кворума на сходах зачастую игнорировалось. Сходы созывались до тех пор, пока предложения уполномоченных не принимались⁵².

В ходе кампании самообложения губернские власти направляли на места указания, расширявшие права уполномоченных и сельсоветов и ограничивавшие самостоятельность общины. Так, постановление губисполкома от 10 февраля 1928 года ввело обязательную льготу в размере 25% от суммы самообложения для семей красноармейцев и инвалидов войны и труда, которая предоставлялась им вне зависимости от решения сельских сходов. Чтобы выдержать при этом установленный сходами размер самообложения, сельсоветы были вынуждены увеличивать его для более мощных крестьянских хозяйств⁵³. Отметим, что вводя льготы для отдельных категорий сельского населения, губисполком нарушал положения общесоюзного закона о порядке самообложения, по которому право освобождения от уплаты самообложения предоставлялось исключительно сельским сходам. Местные органы власти такими полномочиями не обладали⁵⁴.

В ходе кампании по самообложению широко использовались разнообразные методы силового воздействия на крестьян. В практике властей обычными стали административные и судебные санкции против «кулаков» и иных «вредных элементов». Всякое проявление недовольства со стороны крестьян считалось «кулацкой» агитацией и сурово преследовалось. Так, в секретной директиве Тамбовского губкома ВКП(б) от 2 февраля 1928 года говорилось:

«По имеющимся сведениям с мест в настоящее время в деревне наблюдается усиленное сопротивление со стороны кулачества всем мероприятиям советской власти, связанным с проведением кампаний. В целом ряде мест это сопротивление носит организованный характер. Есть ряд случаев, когда на крестьянских сходах кулачество ведёт злостную агитацию, используя для этой цели середняков и даже бедняков. Как правило, само кулачество на сходах выступает редко... Особенно ярко проявлялась кулацкая агитация при проведении закона о самообложении. Имели место случаи, когда под влиянием кулачества сходы или совсем не принимали декрета о самообложении, или принимали минимальный процент (15 – 20% от развёрсточной суммы). Отмечены случаи агитации кулачества за полную неявку на сходы и срыва обсуждения вопросов о самообложении». Органам ГПУ давались чёткие указания об изъятии «наиболее вредного и враждебного элемента» из среды крестьян. Их выполнение должно было обеспечить «нормальную работу партийных и советских органов по хлебозаготовкам, проведению закона о самообложении и распространению крестьянского займа»⁵⁵.

Преследования «кулаков» органами ГПУ обсуждалось на заседании бюро Тамбовского губкома ВКП(б) 26 января 1928 года. Подчёркивалось, что аресты крестьян, проводившиеся ГПУ «направо и налево», не приносили должного результата. Председатель губисполкома Г. Прядченко выступил с предложением о внесении в это дело большей целенаправленности и планомерности. По его словам, необходимо было, во-первых, «выхватывать» по 10 кулаков из того села, где сход проголосовал против самообложения, а во-вторых, проводить в этих сёлах собрания бедноты, разъясняя на них классовые принципы самообложения. Член политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов, присутствовавший на заседании, высказался за то, чтобы «жестоким образом, по-зверски навалиться на кулака, на 3–4% кулаческой части деревни»⁵⁶. Таким образом, практика широкого применения административных и судебных мер в ходе самообложения была признана властями необходимой.

Важное место в кампании по самообложению органы власти отводили классовой линии. Основная тяжесть платежей должна была лечь на зажиточные слои деревни. Самообложение тем самым являлось одной из форм наступления на зажиточную часть дерев-

ни. В ряде мест, до постановки вопроса о введении самообложения на крестьянском сходе, практиковались собрания беспартийного крестьянского актива, бедноты, женщин-делегаток и другие, цель которых состояла в подготовке общественного мнения села к принятию самообложения. Во время собраний бедноту и середняцкую часть деревни убеждали в целесообразности проводимых советской властью мероприятий. Внимание крестьян обращалось на то, что проводя нажим на зажиточные слои, советская власть одновременно старается усилить помощь бедноте⁵⁷.

Подобная пропагандистская работа не оставалась безрезультатной. Беднота, получив значительные льготы по самообложению, голосовала в большинстве случаев за поддержку и проведение классовой линии обложения⁵⁸. Отметим, что такая политика властей вела к расколу крестьянского общества и существенному обострению внутриобщинных отношений.

Однако классовый подход к проведению самообложения соблюдался не всегда. Нередко сходы стремились провести раскладку денежных взносов на традиционных началах «уравнительности» – по «душам», «дворам» и т.п.⁵⁹

В период проведения советской властью хозяйственно-политических кампаний конца 1920-х годов сход нередко выступал как носитель антисоветских настроений, занимая враждебную сельским советам позицию. Недовольство крестьян выражалось в отдельных выступлениях на сходах, разговорах, отказе сходов принимать предложения уполномоченных советских и партийных органов. В связи с хлебозаготовками, например, на сходах получили распространение речи, в которых крестьяне противопоставлялись рабочим: «...Советская власть такие ножницы устроила, что на одном конце сидит рабочий, а на другом коммунист, и давят изо всей силы шею мужика, которая находится между ножницами». Довольно часто крестьянами выдвигались требования о снижении зарплаты рабочим. Так, в с. Рождественское Больше-Пригородной волости на сельском сходе была принята резолюция об уменьшении зарплаты рабочим на 50%⁶⁰.

Немало протестов у крестьян вызывала практика лишения граждан избирательных прав. Часто можно было слышать такие реплики: «Советская власть 10 лет всё учится и никак не может

научиться, каждый год меняет инструкции к перевыборам», «коммунисты лишают права голоса тех, кто будет против них говорить, чтобы самим пролезть в советы». В ряде мест наблюдалась агитация за крестьянский союз (Союз трудового крестьянства), как организацию, защищающую интересы крестьян. «Нашёлся бы человек подпольно организовать союз пахарей, тогда бы мы посмотрели, что нужно делать и поговорили с рабочими»⁶¹.

В конфликтах с властью община естественным образом становилась основой крестьянского сопротивления насильственным действиям государства. Вековые традиции общинной взаимопомощи во многих случаях оказывались сильнее искусственно разжигавшихся «классовых» страстей. Крестьянин отлично понимал, что беды соседнего двора, в конце концов, могут коснуться и его собственного.

«Оппозиционность» общины, проявившаяся в ходе кампаний в конце 1920-х годов, заметно усилила напряжённость её отношений с государством. Это обстоятельство оказало существенное влияние на решимость советской власти продолжить политику ограничения прав общины и подчинения её руководству сельского совета.

В январе–феврале 1928 года в Тамбовской губернии работала специальная комиссия в составе представителей НК РКИ и губкома ВКП(б), задача которой заключалась в изучении деятельности земельных обществ в период хлебозаготовок, анализе их взаимоотношений с сельскими сходами и сельсоветами. Комиссия установила существование в деревне двух групп крестьянского актива: «актива, организованного вокруг советов и ячеек, и актива, стихийно организующегося вокруг земельных обществ. Эта последняя группа актива состоит как из элементов советски настроенных, так и из элементов, враждебных советам, и играющих противодействующую роль»⁶².

Бюро Тамбовского губкома ВКП(б), детально обсудив результаты работы комиссии НК РКИ, 23 марта 1928 года вынесло решение «обратить внимание НК РКИ на необходимость изменения законодательства в отношении земельных обществ по линии:

а) лишения прав участия в земельных обществах лиц, лишённых избирательных прав;

- б) лишения земельных обществ прав на создание постоянно действующих выборных органов;
- в) лишения права на монопольное разрешение земельными обществами ряда земельных дел;
- г) сужения базы самостоятельных доходных источников;
- д) оставления за земельными обществами лишь совещательной функции».

По мысли губернских властей проведение этих мероприятий должно было привести к постепенному отмиранию земельных обществ. В целях выполнения сельскими советами функций земельных обществ, бюро губкома ВКП(б) постановило разработать положение о президиумах сельских советов и разделении сельскохозяйственных секций сельсоветов на подсекции по числу земельных обществ, объединяемых данным сельским советом⁶³.

Следуя рекомендациям губкома ВКП(б), Тамбовский губисполком в месячный срок подготовил данный проект. В нём отмечалось, что в связи с постановкой правительством важных задач в области сельского хозяйства, особую актуальность приобрела проблема усиления руководства сельсовета вопросами сельского хозяйства и благоустройства деревни. Но наличие органов земельных обществ препятствовало передаче сельским советам права разрешения вопросов, входящих в компетенцию земельных обществ. К тому же распылённость деревенского актива по земельным обществам отрицательно сказывалась на расширении деятельности секций сельских советов⁶⁴.

В целях устранения вышеуказанных недостатков во всех сельских советах образовывались сельскохозяйственные секции, которые должны были объединить в себе бедняцко-средняцкий актив соответствующего земельного общества. На подсекции возлагались следующие задачи: предварительное обсуждение наиболее важных вопросов, подлежащих разрешению на сходе земельного общества; согласование с председателями сельсоветов вопросов, выносимых на обсуждение земельных обществ; проведение своих постановлений на сходе земельного общества⁶⁵.

Таким образом, права сельских советов по руководству деятельностью земельных обществ Тамбовской губернии были существенно расширены. Организация подсекций способствовала соз-

данию реальной правовой основы для ликвидации «двоевластия» в деревне и превращения сельского совета в единый административно-хозяйственный центр села. Однако в связи с реорганизацией территориального деления страны и упразднения Тамбовской губернии, вошедшей в состав объединённой Центрально-Чернозёмной области, практическое осуществление этих мероприятий в губернии начато не было. По решению Тамбовского губкома от 12 июня 1928 года разработанные губисполкомом проекты были переданы для дальнейшего рассмотрения в организационную комиссию ЦЧО⁶⁶.

Заключительным этапом процесса подчинения земельных обществ сельским советам стала реализация постановления ЦИК СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» (15 декабря 1928 г.) В соответствии с «Постановлением» общее руководство работой земельных обществ возлагалось на советы. Сельсоветы должны были утверждать постановления земельных обществ по вопросам землепользования и землеустройства, составлять список лиц, которым предоставлялся льготный кредит на оплату землеустроительных работ. В случае нарушения земельным обществом законов и распоряжений высших органов власти или интересов бедноты, сельсовет мог приостановить или же отменить постановление земельного общества. Хотя за обществом было оставлено право обжалования отмены своего решения в волостном или районном исполкоме советов⁶⁷.

Закон 15 декабря 1928 года не только изменил правовой статус общины, но и подорвал ряд вековых общинных традиций. В первую очередь это касалось состава участников земельного схода. Согласно постановлению, участвовать в работе схода земельного общества, а также быть избранными в органы его самоуправления могли только те крестьяне, которые являлись избирателями⁶⁸. Возможность полноправного участия в органах общинного самоуправления ставилась тем самым в зависимость не только от хозяйственной самостоятельности крестьянина, но и от его социально-классовой принадлежности и политической благонадёжности. Таким способом государство пыталось решить задачу устранения от управления земельным обществом той части зажиточного и, как правило, общественно-активного крестьянства, которое выражало оппози-

ционные советской власти настроения и противопоставляло земельные общества сельским советам.

Устранению подвергались также общинные традиции уравнительного распределения земли. Статья 8 провозглашала преимущественное право бедняцкого населения на получение лучшей и более удобно расположенной земли. Все перечисленные факты свидетельствовали о начале ликвидации общины как социальной и хозяйственной организации.

Решительное наступление на крестьянскую общину проводилось в период сплошной коллективизации. Поскольку подробное изучение истории общины этого времени выходит за рамки настоящего учебного пособия, представляется необходимым отметить лишь следующее. Соглашаясь с расхожим мнением, что община имела широкие внутренние возможности для организации кооперативных объединений, авторы считают, что общинное хозяйство, наряду с элементами коллективизма, содержало в себе и мощные частнособственнические стимулы (экономическая самостоятельность сельского хозяина, его право свободно распоряжаться результатами своего труда и т.д.). В силу двойственности своей природы, община не могла стать основой для коллективизации в сталинском варианте. Не соответствуя менталитету крестьянства, она неизбежно принимала насильственный характер и вела к разрушению общины.

Разграничение функций сельского и земельного сходов, организация широкой сети самостоятельных бюджетов сельских советов, передача им права распоряжаться доходными источниками земельных обществ создавали необходимые предпосылки для ликвидации в тамбовской деревне основ традиционного мирского уклада и превращения сельсовета в орган действительного сельского самоуправления. Однако расширение прав сельских советов и передача им важных функций общины происходили в условиях непрерывно сменявшихся хозяйственно-политических кампаний, что оказывало существенное влияние на ход эволюции сельского самоуправления. Занятые проведением массовых кампаний, сельсоветы не уделяли достаточного внимания удовлетворению ряда насущных потребностей крестьян в развитии сельского хозяйства,

благоустройства деревни и т.п. Решение этих проблем оставалось в большинстве случаев сферой деятельности крестьянского схода.

В ходе хозяйственно-политических кампаний, община становилась основой крестьянского сопротивления насильственным действиям государства. В ряде мест сход выступал носителем антисоветских настроений и занимал враждебную сельскому совету позицию. Проявленная общиной оппозиционность обострила её отношения с государственной властью и значительно ускорила процесс передачи её традиционных функций сельским советам. Путь эволюционного преобразования общины в более высокую форму сельского самоуправления становился в данных условиях невозможным.

Окончательная ликвидация общины – традиционного института хозяйственного и социального самоуправления русского крестьянства, сохранившегося в дореволюционной России и значительно укрепившегося в первое десятилетие России советской – произошло в период сплошной коллективизации, когда несоответствие общины планам аграрных преобразований советской власти стало наиболее явным.

Примечания

¹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1076. – Л. 322; Д. 1078. – Л. 23.

²ГАТО. – Ф. Р-49. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 50; Д. 327. – Л. 30 об.

³ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1157. – Л. 7 об.

⁴Тамбовский крестьянин. 1926, 19 ноября.

⁵ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 786. – Л. 3; Тамбовская правда. 1925, 4 августа.

⁶Цит. по: Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988. – С. 177–178.

⁷Там же. С. 178.

⁸Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 1. – С. 213.

¹⁰Подсчитано по: ГАТО. – Ф. Р-1189. – Оп. 3. – Д. 27. – Л. 49.

¹¹Там же. Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1090. – Л. 7 об., 9. 39.

¹²Бурцев Е.К., Когин Г.И., Чистяковский Н.В., Шаврин В.А. Низовой бюджет и общественное хозяйство деревне. – М. – С. 81 – 83.

¹³ГАТО. – Ф. Р-119. – Оп. 1. – Д. 309. – Л. 1-3.

¹⁴ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1264. – Л. 11.

¹⁵Там же. Д. 1068. – Л. 37 об.

- ¹⁶Там же. Л. 38 об.
- ¹⁷Тамбовский крестьянин. 1926, 12 ноября.
- ¹⁸Советы Тамбовской области. 1922 – 1956. Сборник документов и материалов. – Воронеж, 1991. – С. 48 – 50.
- ¹⁹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 951. – Л. 129.
- ²⁰Там же. Л. 146.
- ²¹Там же. Л. 146 – 148.
- ²²Тамбовская правда. 1925, 2 декабря.
- ²³ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1073. – Л. 15 об.
- ²⁴Там же. Д. 1159. – Л. 1 об.; Тамбовская правда. 1925, 9 августа.
- ²⁵Тамбовская правда. 1925, 20 августа.
- ²⁶Там же.
- ²⁷Там же.
- ²⁸ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1159. – Л. 1 об.-2.
- ²⁹Тамбовская правда. 1925, 20 августа.
- ³⁰ГАТО. – Ф. Р-1189. – Оп. 3. – Д. 132. – Л. 1, 5, 10.
- ³¹Бурцев Е.К., Когин Г.И., Чистяковский Н.В., Шаврин В.А. Указ. соч. – С. 69.
- ³²ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 949. – Л. 100 об. – 101.
- ³³Там же. Л. 101-101 об.
- ³⁴Тамбовский крестьянин. 1926, 17 декабря; ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1264. – Л. 5-6.
- ³⁵ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1264. – Л. 5, 25.
- ³⁶Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчёт. – М., 1962. – Т. 2. – С. 1245–1246.
- ³⁷ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1 – Д. 1500. – Л. 39.
- ³⁸Там же.
- ³⁹Там же. Л. 40.
- ⁴⁰Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. – М., 1928. – С. 27–28.
- ⁴¹ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1863. – Л. 103 об., 151 об.
- ⁴²Там же. Л. 73.
- ⁴³Там же. Д. 1506. – Л. 1-1 об.
- ⁴⁴Там же. Д. 1863. – Л. 106, 152.
- ⁴⁵Там же. Д. 1500. – Л. 35, 36.
- ⁴⁶Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977. – С. 105.
- ⁴⁷Тамбовская правда. 1925, 2 июля; ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1863. – Л. 20
- ⁴⁸ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1853. – Л. 2.
- ⁴⁹Там же. Д. 1845. – Л. 92-93.

- ⁵⁰ГАСПИТО. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 3929. – Л. 68.
- ⁵¹Там же. Д. 3937. – Л. 115.
- ⁵²Таниучи У. Система уполномоченных: партия, советы и аграрная коммуна // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 346.
- ⁵³ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1977. – Л. 18-19.
- ⁵⁴Там же Д. 1845. – Л. 79.
- ⁵⁵ГАСПИТО. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 3938. – Л. 90.
- ⁵⁶Там же. Д. 3927. – Л. 9, 10, 12.
- ⁵⁷Там же. Д. 3937. – Л. 102.
- ⁵⁸ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1977. – Л. 19.
- ⁵⁹Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат (сельсовет и волисполком). – М., 1929. – С. 23–24.
- ⁶⁰ГАСПИТО. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 3601. – Л. 4-5.
- ⁶¹Там же. Л. 6.
- ⁶²Там же. Д. 3923. – Л. 63.
- ⁶³ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп 1. – Д. 1586. – Л. 1.
- ⁶⁴Там же. Л. 2.
- ⁶⁵Там же. Л. 5.
- ⁶⁶ГАСПИТО. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 3923. – Л. 124.
- ⁶⁷Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 – 1954 гг. – М., 1954. – С. 305, 306.
- ⁶⁸Там же. С. 306.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крестьянская община обладала уникальным механизмом сочетания коллективных и индивидуальных интересов. Причём механизм сочетания мог перестраиваться в зависимости от конкретных исторических условий. Советский строй впитал в себя лишь собственные общине коллективные начала. Однако было отброшено индивидуальное начало.

Несмотря на своё важное место в сельской жизни, в период коллективизации община была уничтожена. Главной причиной тому явилось её несоответствие планам аграрных преобразований советской власти. Обладая широкими внутренними возможностями для организации кооперативных объединений, община содержала в себе и мощные частнособственнические стимулы (экономическая самостоятельность сельского хозяина, его право свободно распоряжаться результатами своего труда и др.) и не могла стать основой коллективизации в сталинском варианте. Не соответствуя менталитету крестьянства, она неизбежно принимала насильственный характер и вела к разрушению общины.

Кроме того, в ходе хозяйственно-политических кампаний конца 1920-х годов, проводимых в деревне с использованием чрезвычайных методов по отношению к крестьянству, община выступала носителем антисоветских настроений и нередко занимала враждебную сельскому Совету позицию. Оппозиционность общины резко обострила её отношения с государственной властью, что также стало причиной передачи традиционных функций общины сельскому Совету. Путь эволюционного преобразования общины в более высокую форму сельского самоуправления становился в данных условиях невозможным.

Необходимо подчеркнуть влияние векового общинного уклада на советскую деревню. Общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение, прежде всего, в системе ценностей и нормах поведения, в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм собственности.

Опыт крестьянской общины оказался невостребованным в полной мере. Страна и сегодня ищет оптимальную модель развития, бросившись от всепоглощающего коллективизма к атомизирующему обществу индивидуализму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

1. Аврех, А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России / А.Я. Аврех. – М., 1991.
2. Анфимов, А.М. Неоконченные споры / А.М. Анфимов // Вопросы истории. – 1997. – № 9.
3. Байрау, Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905 – 1917 гг. / Д. Байрау // Вопросы истории. – 1992. – № 1.
4. Беляев, Е.В. Крестьянское самоуправление в России: учреждения и деятельность. 1861 – 1889 гг. (на примере Центрально-Чернозёмных губерний) / Е.В. Беляев. – Липецк-Тамбов, 2010. – 341 с.
5. Булдаков, В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – М., 1997.
6. Буховец, О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи XX века: новые материалы, методы, результаты / О.Г. Буховец. – М., 1996.
7. Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994.
8. Вронский, О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 – 1917) / О.Г. Вронский. – М., 2000. – 418 с.
9. Вронский, О.Г. Государственная власть России и проблемы общины на рубеже XIX–XX вв. / О.Г. Вронский // Власть и общество в России. XX век. – М.-Тамбов, 1999.
10. Вронский, О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. / О.Г. Вронский. – М., 1999.
11. Вронский, О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок / О.Г. Вронский. – М., 1999.
12. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. – М., 1996.
13. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М., 1991.
14. Данилов, В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России / В.П. Данилов, Л.В. Данилова // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992.

15. Данилов, В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России / В.П. Данилов // Ежегодник по аграрной истории. – Вып. VI (Проблемы истории русской общины). – Вологда, 1976.
16. Данилов, В.П. Крестьянская ментальность и община / В.П. Данилов, Л.В. Данилова // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы Международной конференции. – М., 1996.
17. Земцов, Л.И. Крестьяне Центрально-Чернозёмного района на рубеже XIX–XX веков / Л.И. Земцов // Проблемы исторической демографии Центрального Черноземья. – М.-Курск, 1994.
18. Зырянов, П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. / П.Н. Зырянов. – М., 1992.
19. Кабанов, В.В. Октябрьская революция и крестьянская община / В.В. Кабанов // Исторические записки. – Т. 111. – М., 1984.
20. Кабанов, В.В. Без альтернатив / В.В. Кабанов // Крестьянское хозяйство: история и современность : материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда, 1992. – Ч. 1.
21. Кабанов, В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке / В.В. Кабанов // Вопросы истории. – 1993. – № 2.
22. Кабанов, В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века / В.В. Кабанов. – М., 1997.
23. Кабытов, П.С. Русское крестьянство: этапы духовного возрождения / П.С. Кабытов, В.А. Козлов, Б.Г. Литвак. – М., 1988.
24. Китанина, Т.М. Война, хлеб и революция / Т.М. Китанина. – Л., 1985.
25. Ковальченко, И.Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) / И.Д. Ковальченко // История СССР. – 1991. – № 2.
26. Корелин, А.П. П.А. Столыпин / А.П. Корелин // Российские реформаторы. – М., 1995.
27. Ласкина, С.В. Крестьянство и крестьянское хозяйство Борисоглебского уезда тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. : автореф. канд. дис. / С.В. Ласкина. – Воронеж, 1996.
28. Ленин, В.И. Социализм и крестьянство / В.И. Ленин // ПСС. – Т. 11.
29. Милов, Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5.
30. Рогалина, Н.Л. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет / Н.Л. Рогалина // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М., 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ОБЩИНА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ И СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ	11
2. ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ	16
3. ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В ТАМБОВ- СКОЙ ГУБЕРНИИ НА ОСНОВЕ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 ГОДА	34
4. ОБЩИНА И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТЬ	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	77

Учебное издание

ЕСИКОВ Сергей Альбертович
ЕСИКОВА Милана Михайловна

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА (ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО) В
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ В 1920-е ГОДЫ
(на материалах Тамбовской губернии)**

Учебное пособие

Редактор И.В. Калистратова
Компьютерное макетирование М.А. Евсейчевой

Подписано в печать 03.04.2013.
Формат 60 × 84 / 16. 4,65 усл. печ. л. Тираж 400 экз. Заказ № 151

Издательско-полиграфический центр ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, к. 14